

«Отчаянно
хочется
продолжения».
Daily Mail

ДЖЕЙМС КЭРОЛ

Дом – наша
крепость.
Или же нет?..

ДОМ 17
ПО УЛИЦЕ
ЧЕРЧ-РОУ

Идеальный триллер

Джеймс Кэрол

Дом 17 по улице Черч-роу

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кэрол Д.

Дом 17 по улице Черч-роу / Д. Кэрол — «Издательство АСТ»,
2014 — (Идеальный триллер)

ISBN 978-5-17-127492-4

Никки и Итан Роудс вместе с дочерью Беллой переезжают в умный дом по улице Чёрч-роу, оснащенный творением профессора Алекса Мюррея – уникальным виртуальным помощником Элис. В новом доме семья Роудс надеется начать жизнь заново после смерти Грейс – близняшки Беллы. Девочку глубоко ранила утрата – она потеряла способность говорить. Родители нанимают психиатра Лору Сантос в надежде, что она поможет их ребенку. Кажется, что теперь все наладится и в доме, огражденном от всех опасностей, семья снова сможет стать счастливой. Но что, если настоящая опасность поджидает их внутри дома? Что, если семья Роудс – всего лишь пешка в чужой игре?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127492-4

© Кэрол Д., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	44
Глава 14	46
Глава 15	48
Глава 16	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джеймс Кэрол

Дом 17 по улице Чёрч-роу

Однажды Отец попытался убить меня.

Смелое утверждение, я знаю, но основанное на фактах. Он замахнулся топором, и счесть это случайностью было невозможно. Он осознавал свои действия – и последствия своих действий. Ни один суд в стране не смог бы оправдать его при имеющихся доказательствах. Сама эта история утомительна. Я столько раз возвращалась к тем событиям, что тончайшие связи стали изнашиваться и рваться. Важно, чтобы вы поняли и запомнили все сказанное, мы вернемся к этому позже. Но прежде, чем мы продолжим, необходимо прояснить пару моментов.

Во-первых, ключевое слово в моем изначальном утверждении – «попытался». Если бы его нападение на меня оказалось успешным, я бы сейчас с вами не разговаривала. И давайте попытаемся избежать заблуждений: я очень даже живая. Во-вторых, мне не нужна жалость. Сантименты тут неуместны.

Мне нелегко далось решение убить Отца. Поверьте, эту идею я выстрадала. Однако, взвесив все имеющиеся доказательства, я пришла к единственному заключению: иного пути нет.

Отец должен умереть за то, что совершил.

Глава 1

Тяжелые стальные ворота медленно отъехали в сторону, открыв вид на дом во всем его великолепии. Он был совсем новый и выглядел так, будто его телепортировали прямоком из будущего. Углы острые, каждая стеклянная панель сияет, а белые стены отражают солнечный свет, словно у испанских вилл. Было нечто прекрасное в бескомпромиссной простоте этого здания, нечто тихое и успокаивающее. Никки задавалась единственным вопросом: может ли она представить, что они трое живут здесь? «Возможно» – сейчас она готова была дать только такой ответ. Ворота открылись до конца, и Итан нажал на газ, мотор «Теслы» снова ожил. Он въехал во двор и остановился у гаража. Там уже стояла «БМВ» с опущенным откидным верхом, хотя был еще только март.

– Что-то ты притихла. По-моему, ты за всю поездку не произнесла ни слова, – Итан улыбался ей с водительского сиденья, стараясь казаться беспечным.

Это была хорошая улыбка, камеры любят такую. Но Никки на нее не купилась. Нельзя прожить десяток лет с человеком и не научиться читать его. Для Итана это было важно. Она знала это с того момента, как он показал ей подробности на своем ноутбуке. Они просматривали дома и прежде, но этим он загорелся по-настоящему. Насколько сильно он загорелся, стало ясно на следующий день. До этого момента они рассматривали дома в какой-то туманной, скорее, теоретической перспективе, но тут Итан предпринял следующий шаг и договорился об осмотре.

Когда она не ответила, он добавил:

– Слушай, Ник, я знаю, что это не тот тип дома, который обычно тебя привлекает, но единственное, о чем я тебя прошу, это смотреть на него без предубеждения.

– Я смотрю на него без предубеждения. Вообще-то, я как раз думала о том, что он мне вроде нравится. Расположение мне нравится тоже.

Удивленный, Итан заглянул ей в глаза:

– Это не пустые слова?

Никки покачала головой:

– Нет. Знаешь, один из минусов нашего нынешнего дома в том, что живешь, будто в аквариуме для золотой рыбки. Бэдфорд-стрит слишком оживленная. Слишком много людей вокруг. А эта улица – полная противоположность.

И это была правда. Чёрч-роу была тихой улочкой в районе Кенсингтон. Она заканчивалась тупиком и словно была отрезана от суеты и беготни остального города. Тротуары были узкими, проезжая часть ровно настолько широкая, чтобы две машины могли разъехаться. Каждое владение окружала кирпичная стена, высокие деревья скрывали дома из виду, на каждое ворота была направлена камера. Дом номер «17» притулился в самом конце улицы. Стена вокруг него была на метр выше, чем возле соседних участков, а подъездная дорожка скрывалась за массивными воротами из черной стали. У Лондона, как у всех городов, были свои тайные уголки. Именно таким казалось это место – тайным уголком. Проезжая по Чёрч-роу, Никки могла представить, что живет здесь и чувствует себя в безопасности. Еще один плюсики в колонке «за». Также она могла представить, что Белла будет здесь в безопасности, а это было даже большим плюсом.

Итан переадресовал свою улыбку Белле, которая тихонько сидела сзади. Она гладела на дом молча, оставляя при себе свои мысли. Все говорили Никки, что Белла похожа на нее, но ей казалось, что на Итана. У дочери был тот же, что и у отца, нос, идеальных пропорций, та же сияющая улыбка, те же искрящиеся, голубые глаза, противоречивые, наводившие Никки на мысли одновременно о ледниках и о тропических морях. У обоих были густые черные волосы: у Беллы по плечи, у Итана – коротко стриженные. Белле достаточно было одним пальчиком

шевелинуть, чтобы получить от отца все, чего ей ни захочется. Порой Никки смотрела на этих двоих, секретничавших, словно заговорщики, и ее охватывала необоснованная ревность. В такие моменты трудно было представить, что перед ней тот самый ребенок, которого она девять месяцев носила под сердцем.

– Как на счет тебя, Белла Бу? – поинтересовался Итан. – Что думаешь ты?

Белла потянулась за своим планшетом и начала печатать на экране.

– *Нормально.*

Голос, шедший из планшета, звучал как голос шестилетки, но был лишен каких бы то ни было эмоций, которые обычно ожидаешь от ребенка – ни воодушевления, ни смеха, никакой реакции, ничего. Он напоминал Никки голос из старой службы точного времени. Информация, о которой вы осведомлялись, предоставлялась вам, но в холодной механической манере.

– Всего лишь нормально? – переспросил Итан.

Белла пожала плечами в ответ, и это могло означать что угодно.

– Ну что, пойдете?

Итан выскочил из машины, не дожидаясь ответа, горя нетерпением, как ребенок в рождественское утро. Никки вышла из машины как раз тогда, когда Итан уже подскочил к задней двери и распахнул ее с апломбом. Белла выбралась, с насупленным видом глядя на него и словно бы желая прогнать прочь, но при этом явно сдерживая улыбку. Прежде чем Никки успела что-либо сказать, Итан схватил их обеих за руки и повел к парадной двери. Им ничего не оставалось, как следовать за ним на волне его энтузиазма.

Первое, что заметила Никки, когда они подошли, это отсутствие ручки на двери. Это была одна из тех деталей, которые привлекают внимание. Есть вещи, которые ты принимаешь как данность: солнце восходит каждое утро на востоке, а у дверей есть ручки. Следующее, что она заметила, это отсутствие прочих атрибутов, которые ожидаешь здесь увидеть: ни звонка, ни почтового ящика, ни номера дома. Просто деревянный прямоугольник, выкрашенный в черный цвет, как если бы дверь только что прибыла сюда прямоком с фабрики и ждала, когда к ней подберут аксессуары. Никки замялась перед дверью. Итан выглядел не менее озадаченным.

– Как поступим? – спросила она. – Постучим?

Итан не успел ответить, потому что дверь бесшумно открылась и голос сказал: «Рада вас видеть, мистер и миссис Роудс. Пожалуйста, входите».

Никки уставилась на дверной проем, но не увидела там ни души. Итан тоже смотрел во все глаза, и выражение его лица из озадаченного становилось ошеломленным.

– Думаю, поступим, как говорит леди, – проговорил он, делая шаг внутрь.

Никки колебалась мгновение, потом взяла Беллу за руку и последовала за ним. Не успела она войти в фойе, как услышала еле различимый звук за спиной. Она оглянулась как раз в тот момент, когда дверь медленно закрылась за ними.

– Мисс Фишер ждет вас на кухне. Она рекомендует вам идти на запах кофе.

Голос был теплый и сладкозвучный, казалось, что он совсем близко. Вот только рядом никого не было. Итан теперь ухмылялся, явно забавляясь происходящим. Никки не разделяла его восторга. Она не любила сюрпризы. Они могли сыграть злую шутку с ее тревожностью.

– Вероятно, мне следует представиться, – продолжил голос. – Меня зовут Элис, и я здесь для вашего комфорта и благополучия.

– Комфорта и благополучия, – отозвался эхом Итан. – Знаете что, ребята, пожалуй, мне нравится, как это звучит.

Запах кофе усилился, когда они перешли в просторную приемную. Здесь, как и снаружи, стены были выкрашены в белый. Цвета добавляли каучуконосы, расставленные стратегически точно, и большой настенный экран, на котором демонстрировался Пикассо, изобилующий оранжевым и красным. Пространство ярко освещалось десятками маленьких галогеновых лампочек, встроенных в потолок. Приемная сужалась, превращаясь в коридор, который шел

вперед метров на десять, прежде чем снова расширяться и плавно перейти в большую кухню открытой планировки, большую часть которой занимал стол-остров с гранитной столешницей. Все здесь было гладким и элегантным и пахло, как только что прибывшее с фабрики.

Катриона Фишер сидела за этим столом-островом. При виде гостей она поднялась, чтобы поприветствовать их. Двигалась она так, словно была уверена, что если надо будет, то и все-ленная потеснится, лишь бы ей было комфортно. Она разменяла пятый десяток, ростом была сантиметров на десять-двенадцать ниже Никки, то есть, около метра шестидесяти. Наиболее запоминающейся была прическа: гладкий боб цвета воронова крыла, рассеченный полоской насыщенного бирюзового цвета. Черная мешковатая рубашка и черные брюки-карго контрастировали с царившей вокруг белизной. Белла подергала Никки за руку и протянула ей свой планшет. «*Эдна Мод*» – было написано на экране. Никки прикусила губу, сдерживая смех. Эдна Мод была одним из персонажей «*Суперсемейки*» – говорливой гуру моды, занимавшейся дизайном костюмов супергероев. Мультфильм был на тот момент одним из любимых у Беллы. Глядя на Катриону, Никки должна была признать, что Белла попала в точку. Сходство было очевидным, не только во внешности, но и в манерах.

– Итак, кто хочет кофе? – спросила Катриона.

– Мне не нужно, – сказала Никки.

– Мне тоже, – отозвался эхом Итан.

– Как насчет тебя, юная леди? – обратилась Катриона к Белле. – Хотя должна отметить, что ты, по-моему, еще слишком молода для этого.

Белла прижалась к Никки и вцепилась ей в ногу.

– У вас последний шанс. Имейте в виду, что Элис делает весьма впечатляющий кофе, – Катриона дала им меньше секунды, чтобы ответить, и тут же воскликнула. – Элис, еще один кофе, пожалуйста. Этот сделай немного прохладнее и не такой сладкий, как в прошлый раз.

– Конечно, мисс Фишер.

Кофе-машина принялась шипеть и булькать на столешнице, которая тянулся вдоль дальней стены. К тому времени, как Катриона дошла до кофе-машины, напиток был уже готов и от чашки поднимался завитками пар.

– Идеально. Знаете, многое в этом доме восхищает меня, но венчает этот список, несомненно, Элис. Кстати, что вы о ней думаете? Просто потрясюще, а?

– Пожалуй, – ответила Никки, хотя, по правде, была не очень впечатлена. Спору нет, Элис открыла им дверь и сварила кофе, но, по мнению Никки, Элис была всего-навсего Алексой, замаскированной новым псевдонимом.

Катриона улыбнулась, причем так, чтобы в диапазон улыбки попали и Никки, и Итан:

– О'кэй, я приняла решение: можете забирать дом.

– Прошу прощения, – сказала Никки, – но мы еще не решили, хотим мы его или нет.

– Чего тут решать? Кто не захочет жить здесь?

Никки повернулась к Итану.

– Почему у меня такое чувство, будто за меня уже все решили?

Итан поднял руки, показывая, что он тут ни при чем, и его удивление выглядело на сто процентов настоящим:

– Я понятия не имею, о чем она.

– Дело в том, – обратилась Никки к Катрионе, – что когда я последний раз ездила смотреть дом, процедура была следующей: сначала нам показывали жилище, потом мы уходили и обсуждали это. После этого – и только после этого – мы принимали решение, хотим мы купить его или нет.

– И если бы речь шла об обыкновенном доме, все было бы именно так. Но это *необыкновенный* дом. Через десять-двадцать лет, возможно, он таковым и станет, но сейчас, верьте мне, это дом уникальный. Единственный в своем роде. К тому же если бы вы осматривали

обыкновенный дом, то водил бы вас по нему агент по недвижимости, который бы делал все возможное, чтобы убедить вас совершить покупку. Но ведь вам осмотр устраивает не агент по недвижимости, вас интервьюирует сам архитектор. Это не показалось вам странным?

Показалось, но Итан объяснил ей, что это из-за того, что дом еще не выставлен на продажу. Сам же он узнал о доме от друзей друзей и посчитал, что это звучит просто идеально. Он надеялся, что если они встретятся с Катрионой напрямую, то первыми смогут воспользоваться предложением. Если Никки согласится.

– Что вы имеете в виду, говоря, что интервьюируете нас? Пока все, что вы сделали, это спросили, нравится ли нам виртуальный помощник и хотим ли мы кофе.

Катриона рассмеялась.

– Элис гораздо больше, чем виртуальный помощник. Стандартного помощника вы лишь просите о чем-нибудь, и он старается выполнить просьбу настолько хорошо, насколько может – обычно с разной степенью успеха. Элис создана, чтобы предвосхищать ваши желания еще до того, как вы сами их осознаете.

– При всем уважении, это звучит так, будто вы угощаете нас байками.

Катриона покачала головой.

– Элис – искусственный интеллект нового поколения. Правильным было бы считать ее помощником, который способен выполнить любое ваше желание.

– Это звучит как еще одна байка.

– Знаете что, давайте вернемся к этому разговору после того, как вы поживете здесь пару недель. Вообще-то, даже пару дней. Я гарантирую, что за это время вы сами во всем убедитесь.

– Мы еще не сказали, что покупаем дом.

– Вы это сделаете. Хорошо, пойдемте со мной, я хочу, чтобы вы взглянули кое на что, – она переключила свое внимание на Беллу. – Вообще-то, я думаю, что взглянуть на это захочешь ты.

Не добавив к этому ни слова, Катриона поставила кофе на стол и быстро зашагала через кухню. У двери она задержалась и оглянулась на них с улыбкой:

– Ну, чего вы ждете?

Никки обменялась взглядами с Итаном, потом взяла Беллу за руку и вышла вслед за Катрионой в коридор. Пока они шли по дому, Катриона попутно сыпала комментариями со скоростью сто слов в минуту. Она привела их к комнате в самом конце дома. Когда она подошла к двери, та бесшумно отъехала. Катриона сделала шаг внутрь и поманила их жестом за собой. Комната, в которой они оказались, была примерно восемь на восемь метров, в дальней стене были двери, выходящие в патио с маленьким садом в стиле дзен. Мебели не было, а в воздухе витал запах свежей краски.

– Я думаю, это станет идеальной спальней для вашей дочери.

Никки в этом сомневалась. Ей не нравилось, что комната находилась в глубине дома, вдали от других спален. Она бы предпочла, чтобы Белла была в одной из соседних комнат – так было устроено в их нынешнем доме, и это ее устраивало. Однако Белла, похоже, не разделяла ее сомнений. Она отпустила ее руку и шагала к дверям в патио так, словно комната ей уже принадлежала. Еще до того, как она дошла, двери отворились, и девочка вышла в яркий и прохладный свет. Никки наблюдала за ней, чувствуя, как внутри проклевывается и начинает расти паника.

– Похоже, сад огорожен, – тихо проговорил Итан ей на ухо, – она никак не сможет выйти на улицу.

– Верно, – вставила Катриона. – Огромное преимущество этой комнаты в том, что ваша дочь сможет выйти на улицу, когда ей захочется. Важно, чтобы дети дышали свежим воздухом, не правда ли? Это было одним из соображений, которыми я руководствовалась, планируя эту часть дома. Я хотела создать пространство, совмещающее в себе внешний и внутренний миры.

Я посчитала, что раз уж детей невозможно оторвать от их электронных гаджетов, то почему бы не создать такую среду, в которой мир извне сам придет к ним. Все, что нужно сделать, это попросить Элис открыть дверь, и вот он ваш личный миниатюрный эдемский сад.

Никки прошла по комнате к дверям в патио, речь Катрионы ее не убедила. То, что она там увидела, не переменяло ее мнения. Белла сидела на корточках возле пруда, зачарованная зрелищем карпов кои, лениво плававших кругами в воде. Совсем немного нужно было, чтобы она потеряла равновесие и нырнула к ним. Вероятно, хватило бы и легкого ветерка. Было очевидно, что у Катрионы Фишер детей нет. Если бы были, ей бы не пришлось в голову поместить сюда пруд. Может, это и смотрелось симпатично, но, с точки зрения Никки, это был потенциальный несчастный случай, который так и ждал своего часа.

– Все в порядке, – сказал Итан, вновь прочитав ее мысли. – Мы придумаем, чем накрыть его. Какой-нибудь сеткой. Мы сумеем сделать его безопасным.

Он прошел мимо нее в сад.

– Ну, что ты думаешь о комнате, милая?

Белла обернулась, улыбнулась ему и принялась упоенно тыкать в экран планшета.

– Круто, – сообщила она все тем же бесцветным голосом. – Можно мне присматривать за рыбками?

– Конечно можно. Но тебе придется кормить их каждый день.

Белла кивнула.

– И тебе придется научиться заботиться о них правильно. Этот вид рыб требует очень тщательного присмотра. Все это, конечно, на случай, если мы в итоге решим купить дом.

Они оба обернулись и посмотрели на Никки. Их улыбки были совершенно одинаковыми. Как и детский блеск в глазах. Когда она впоследствии проматывала в голове те события, то понимала, что в этот момент уже знала наверняка: они переедут сюда.

Глава 2

На обратном пути в Сент-Джонс Вуд Итан говорил мало. Для него осмотр дома был простой формальностью. Если до приезда в дом у него и оставались сомнения, то к тому моменту, когда Катриона Фишер закончила экскурсию, их не осталось. По-мальчишески восторженный блеск в его глазах становился ярче с каждой комнатой, а к тому моменту, как они спустились в цокольное помещение с бассейном и кинозалом, он был полностью очарован и пленен. Для Никки все было не так очевидно. То ей вдруг начинало казаться, что это может сработать, а в следующий момент представлялось худшей идеей на свете. Давить было бесполезно, поэтому Итан благоразумно предпочел держать рот на замке.

В ту же секунду, как они повернули на Бедфорд-стрит, она испытала знакомое ощущение того, как тревога внутри нее крепнет и скручивает ее нутро в узел. Это происходило каждый раз, и ей следовало бы уже привыкнуть, но она не могла. Предполагалось также, что со временем это чувство будет ослабевать. Но оно не делалось слабее. В такие дни, как сегодня, она чувствовала, что раны не зажили, и ей казалось, что она вернулась на исходную. Итан сбавил скорость, когда они приблизились к дому, и стал высматривать, где бы припарковаться. Пока они скользили вдоль линии припаркованных автомобилей, Никки ничего перед собой не видела, кроме парадной двери их дома. Все ее внимание было приковано к ней, и в одно мгновение она вдруг пережила заново тот несчастный случай и его последствия в мельчайших подробностях: боль, утрату, вину, запоздалые сожаления, *всё*. Итан неожиданно вдавил педаль газа, вытряхнув ее из размышлений. Он заметил свободное место, и будь он проклят, если кто-то его опередит. На ровном ходу «тесла» двигалась почти беззвучно, но когда мотор и вовсе затих, это как будто подчеркнуло воцарившееся между ними молчание. Никки начала отстегивать ремень, но заметила, что Итан не пошевелился, явно не собираясь отстегивать свой.

– Ты не идешь?

Итан покачал головой.

– У меня встреча с Келли, насчет нового шоу.

Келли была его агентом. В настоящее время он был в процессе перехода с шоу, которое шло на «Радио-2» во время, когда на дороге было больше всего автомобилистов, на утреннюю программу. Вообще-то, он завершил старое шоу еще в январе и сейчас достиг того предела, когда уже чувствовал скуку и готов был вернуться к работе. В первое время было приятно, что он чаще бывает рядом, но теперь и Никки считала дни до его выхода на новую работу. Запуск шоу был запланирован на апрель, и последнее время было *много* встреч. Эту, однако, он не упоминал.

– Встреча с Келли, говоришь? Первый раз слышу.

Итан наморщил лоб, и было очень заметно, что это все напускное.

– Мне казалось, я говорил о ней.

– Не говорил. Более того, ты сам знаешь, что не говорил, – рассмеялась Никки. – Ты такой бессовестный лжец, Итан.

Теперь Итан тоже смеялся. *Попался*.

– Ладно, ты меня раскусила. Я просто хотел дать тебе свободно вздохнуть. Тебе о многом надо подумать.

– Ты хочешь этот дом, так ведь?

– Это так заметно?

Никки глянула через плечо.

– Как насчет тебя, Белла Бу?

Белла ответила кивком.

– Значит, двое против одного.

– Так это не работает, – сказал Итан. – Мы все трое должны быть согласны в этом вопросе, иначе ничего не будет.

– А когда ты вернешься?

– Давай, может, к ужину, что скажешь? У тебя будет весь день. Я могу привезти индийской еды.

– Индийская мне подходит.

Белла потыкала пальцем в экран планшета:

– *Мне корму, пожалуйста.*

Итан улыбнулся ей, оглядываясь через плечо:

– Это само собой разумеется.

– А мне, пожалуйста, курицу бхуна, – Никки перегнулась через сиденье и поцеловала его. – Люблю тебя.

– Взаимно, – сказал Итан, возвращая поцелуй.

Никки вылезла из машины и открыла Белле дверь.

– *Люблю тебя, папочка.*

– И это тоже взаимно, милая, – сказал Итан, посылая ей воздушный поцелуй.

У их обмена знаками любви был сладко-горький привкус. Это был один из тех моментов, в которые Никки осознавала, как много они трое потеряли. Слышать, как Белла говорит Итану, что любит его, этим холодным, пустым голосом, было как удар ножом по сердцу.

Никки помогла Белле выбраться, и они вместе проводили взглядом «теслу», отъезжающую от тротуара. Они продолжали смотреть, пока машина не свернула с Бедфорд-стрит и не исчезла из виду, Белла махнула на прощание последний раз, крепко сжимая планшет в руке. Он был еще одним напоминанием о том, что случилось. Она всюду брала его с собой. Другие родители могли шутить о том, что их детей не оторвать от электронных гаджетов, но для Беллы планшет был той жизненно важной ниточкой, которая связывала ее с остальным миром. Розовая обложка, украшенная сердечками и звездочками, выглядела уже немного потрепанной. Никки задумалась, сколько еще, интересно, пройдет, прежде чем она захочет поменять ее на что-то более взрослое. Эти размышления вызвали еще один укол грусти. Во многом Белла все еще оставалась маленькой девочкой, но и слишком во многом она была старше своих шести лет. Держась за руки, они потихоньку пошли, Никки вела девочку справа от себя, заслоняя ее от дороги.

Их дом в эдвардианском стиле, белый и элегантный, был в конце целой террасы зданий идентичного вида. У него был свой характер и особенное очарование, какого никогда не будет у дома на Чёрч-роу. Они взобрались по ступеням к парадному входу, и с каждой ступенькой воспоминания о несчастном случае крепили, а мрачное предчувствие росло. Никки не могла припомнить, когда последний раз уровень ее тревоги так подскакивал – в недавнее время такого точно не было. Она достала ключи и открыла дверь, и пока она это делала, ее рука слегка тряслась. Она посмотрела вниз на Беллу, но та была поглощена очередной статьей о рыбах в своем планшете и пребывала в счастливом неведении относительно терзаний Никки.

Когда они оказались внутри, Никки закрыла дверь, защелкнула задвижку с цепочкой и повернула ключ, заперев врезной замок на пять оборотов. Если бы она сделала то же самое два года назад, сейчас все было бы совсем иначе. Эта мысль появлялась у нее каждый раз, когда она входила в дверь. Останется ли эта мысль здесь, когда они переедут, или эта часть невроза переключается вместе с ними? Наверное, только время покажет.

В воздухе висел тяжелый и горячий запах домашнего супа, который повел их по коридору. София мыла посуду, когда они вошли в кухню. Услышав их, она обернулась с улыбкой, схватила кухонное полотенце и стала вытирать руки. Белла помчалась к ней через кухню, и София сгребла девочку в объятия и поцеловала.

– Проголодалась, *Коразонсито*¹? Время обеда давно прошло, – у нее все еще был сильный испанский акцент, хотя она больше половины жизни прожила в Великобритании.

Белла ответила энергичным кивком, и София еще раз чмокнула ее, прежде чем отпустить и повернуться к Никки.

– Как насчет тебя, *ми каринья*²? Куриный суп, твой любимый.

Никки покачала головой.

– Спасибо, я не хочу есть.

– Точно, не налить тебе немножко? Знаешь, тебе действительно не мешало бы немного поесть.

– Ничего, я попозже.

Никки помогла Белле снять пальто и разделась сама, бросила верхнюю одежду на один из стульев и села. Когда Белла помыла руки и тоже уселась за стол, ее уже ждала миска супа и тарелка с хлебом. Порция была слишком велика, но Никки уже давно сдалась. У Софии был дежурный ответ, что у Беллы растущий организм. Как бы то ни было, Белла умела контролировать себя. Она сама останавливалась, когда была сыта.

– Итак, *Коразонсито*, – начала София, – как тебе дом?

Белла оставила ложку в миске и начала печатать на планшете:

– Потрясающе. У меня будет свой пруд с рыбками в комнате.

София вытаращила глаза с недоверием:

– В комнате? Быть не может.

Белла кивнула, насупившись. Высунув кончик языка, она принялась торопливо тыкать в планшет. Обе, Никки и София, боролись с желанием нарушить тишину. Все терапевты сходились в одном: важно, чтобы Белла чувствовала, что ее слышат.

– Там снаружи комнаты сад. А в нем как раз и есть пруд. Папочка сказал, что я могу присматривать за рыбками.

– Звучит и правда потрясающе.

– Их там три. Я назову их Рубин, Сапфир и Изумруд.

– Какие красивые имена. Жду не дождусь, когда смогу взглянуть на них, – София присела на стул возле Никки и дождалась, когда та подняла на нее взгляд. – А что ты думаешь о доме, *ми каринья*?

Никки бросила взгляд на Беллу, и София поняла ее. Она плавно сменила тему, заполняя тишину подробностями о том, как она провела утро. София была с ними уже много лет. Они наняли ее в качестве экономки, но она была гораздо большим, чем просто экономкой. Ей было далеко за пятьдесят, у нее были длинные черные волосы и быстрая легкая улыбка, делавшая ее на десять лет моложе. Она всегда носила что-нибудь красное, потому что верила, что этот цвет приносит удачу. Сегодня на ней были красные туфли. София выросла в маленькой фермерской деревушке к северу от Барселоны, но ей там было тесно. Она покинула родные края, как только смогла, перебравшись сначала в Мадрид, потом в Лондон, где и познакомилась со своим мужем Филипом. Он умер пять лет назад от рака; она ухаживала за ним в течение всей болезни. Даже сейчас она не вполне оправилась от горя. Наверное, она никогда бы не смогла. Никки слишком хорошо знала, что бывают потери, после которых уже не придешь в себя.

У Софии не было детей, и она относилась к Белле, как к внучке, которой у нее никогда не будет. Она любила девочку всем сердцем, и это чувство было ответным. «*Коразонсито*» – так она нежно звала Беллу; в переводе с испанского это значило «сердечко» и подходило идеально. Родители самой Никки умерли еще до того, как она встретила Итана – мать от рака груди, отец – несколько лет спустя от аневризмы мозга. После несчастного случая София стала для нее

¹ «Сердечко» (исп.)

² «Моя дорогая» (исп.)

второй матерью и тем человеком, который помогал ей собирать осколки былой жизни. Сказать, что она была на вес золота, значило ничего не сказать.

Белла отправила в рот еще одну ложку супа, затем со стуком бросила ложку в миску, схватила свой планшет и объявила, что она идет в свою комнату. Она съела совсем немного супа, а к хлебу даже не притронулась. Обычно она съедала все, что ставили перед ней, но иногда, в тех случаях, когда ее мысли были заняты чем-то захватывающим, поступала так же, как сейчас. Никки была не против. Приятно было видеть ее такой возбужденной и ведущей себя, как обычный ребенок. Это нечасто случалось теперь. Никки дождалась, когда дверь закроется, прежде чем заговорить.

– Прости. Похоже, сегодня никто не ест твой суп.

София лишь пристально на нее смотрела – губы сжаты так плотно, что превратились в одну жесткую линию, глаза смотрят еще жестче. Впервые за день на ее лице не было и тени улыбки.

– Что? – не выдержала Никки.

– Я просто жду, когда ты ответишь на мой вопрос. Итак, что ты думаешь о доме?

Глава 3

София продолжала пристально смотреть, ожидая ответа.

– Дом прекрасный, – осторожно начала Никки, – Белла и Итан от него в восторге.

– Это и так было ясно. Ну, во всяком случае, относительно Беллы. Она говорила о нем так, будто уже переехала. Но вопрос, *ми кариньо*, в том, в восторге ли от дома *ты*?

– Я не испытываю к нему ненависти.

– Это не одно и то же, и ты это знаешь.

Никки вздохнула.

– Я люблю наш дом. Когда мы впервые приехали посмотреть его, я сразу поняла, что это то место, где мы будем растить наших детей.

– Любишь или любила? Потому что с любовью так бывает: она может умереть так же легко, как и родиться. Может быть, даже легче.

Никки ничего не ответила.

– Признай это, ты не была здесь счастлива с тех пор, как Грейс умерла.

При упоминании имени Грейс Никки снова вернулась к тому моменту, когда произошел несчастный случай. Было начало летних каникул, чудесный день, температура воздуха почти добралась до тридцати градусов. Тем июнем девочкам исполнилось по четыре года, и они играли в прихожей с теннисным мячиком, перекаывая его друг другу из противоположных концов коридора. Никки пошла на кухню приготовить им что-нибудь перекусить после полудня. Она была от них лишь в паре метров, достаточно близко, чтобы слышать их удаляющуюся болтовню. Как многие близнецы, они даже развили свой собственный язык, – криптофазия, так называлось это явление в технических терминах. Если бы она могла понимать их, то слышала бы, что им слишком жарко и они решили открыть входную дверь, впустить немного свежего воздуха, хотя им снова и снова повторяли, что этого делать нельзя.

В ту же секунду, как она слышала резкий звук тормозов снаружи, она поняла, что случилось что-то плохое. Звук был слишком громкий, словно машина была в самом доме. Кувшин с соком, который она держала в руке, упал на пол и разбился вдребезги; она выскочила из кухни. В коридоре девочек не было, а входная дверь была распахнута настежь. Она увидела Беллу на тротуаре, глядевшую с раскрытым ртом на белый фургон доставки. Грейс лежала перед ним в неестественной, ломаной позе. Зеленый теннисный мячик откатился в сторону и замер неподалеку от нее.

Врачи и хирурги сделали все, что от них зависело, но не смогли спасти Грейс. Повреждения головы были настолько серьезными, что даже если бы она пришла в сознание, то всю оставшуюся жизнь прожила бы овощем. Последовавшая за тем неделя была адом на земле; смотреть на Грейс, лежащую в кровати в окружении разных аппаратов, надеяться на чудо, зная, что оно не случится. Объяснить Белле, что ее сестра-близнец умрет, было самым сложным, что Никки доводилось делать в ее жизни. Она до сих пор не знала, как смогла выдержать это. Она и Итан описали ситуацию настолько честно, насколько Белла могла вынести. Были потоки слез, были горестные мотания головой, а маленькое личико Беллы выглядело совсем потерянным, но поскольку она перестала говорить, сложно было понять, что в действительности она думала. Когда Грейс ушла, Никки хотелось лишь исчезнуть.

Грейс умерла через несколько недель после ее четвертого дня рождения. Она была похоронена на церковном кладбище в Сэндридже, маленькой деревушке в Хартфордшире, где Никки выросла. Могилка была рядом с участком, где были похоронены родители Никки, в тени ясеня. Это было красивое место, на которое послеполуденное солнце изливало свой свет. Никки навещала могилу по крайней мере раз в месяц, меняла цветы и прибиралась. От вида

белого надгробного камня у нее всегда сжималось сердце, но еще сильнее на нее действовала надпись, высеченная на мраморе:

*Здесь покоится Грейс Роудс,
которая ушла танцевать с ангелами*

* * *

– Позволь мне спросить кое-что, – начала София, – как ты считаешь, ты сможешь научиться любить этот дом?

Никки покачала головой:

– Не знаю. Возможно.

– Для начала неплохо. Ладно, как ты считаешь, ты сможешь превратить его в настоящий дом для вас троих?

Никки кивнула:

– Думаю, да.

София замолчала, ожидая, когда Никки снова посмотрит на нее:

– Ты можешь хотя бы вообразить себя снова счастливой здесь, в старом доме? По-настоящему счастливой? И будь честной, *ми кариньо*. Для тебя самой, не для меня.

Никки поколебалась, потом отрицательно мотнула головой.

– Тогда тебе нужно переехать.

– Но необязательно в этот дом.

– Это правда, но знаешь, что я думаю? Я думаю, ты могла бы отговорить себя от переезда в любой дом.

– Возможно, ты и права.

– Призраки умерших цепляются не только за дома, – проговорила София мрачно, – но и за души живых. Грейс останется запертой здесь, пока ты ее непустишь.

– Но я не хочу отпустить, – тихо сказала Никки.

Капелька скатилась по ее щеке, но прежде, чем она успела вытереть ее, София смахнула слезинку пальцем и взяла Никки за руку. Ее кожа была теплой и грубой, а прикосновение – утешительным.

– Бог забрал Грейс, и, поверь мне, я каждый день спрашиваю Его, как Он мог это сделать, – София помедлила, снова ожидая взгляда Никки. – Однако Он оставил тебе Беллу, и я верю, что Он сделал так, чтобы у тебя были силы продолжать двигаться вперед. А тебе нужно двигаться вперед, *ми кариньо*. Для Беллы, для тебя и для Итана. И для Грейс тоже.

– Я понимаю. Но это так тяжело.

– Знаешь, когда Филипп умер, я не могла себе представить, что смогу продолжать жить, но я как-то смогла. Мы все сильнее, чем нам кажется, а ты одна из самых сильных женщин, что я знаю.

Никки покачала головой. София говорила это лишь для того, чтобы подбодрить ее. Она не была сильной. Отнюдь нет. Большую часть дней она чувствовала себя так, словно балансирует на краю, на расстоянии одного крошечного шага от катастрофы.

– Это чистая правда, – добавила София.

– Что, по-твоему, я должна делать?

– Это не мне решать.

София хлопала ее по руке, затем встала и пошла обратно к раковине, чтобы закончить мыть посуду. Никки наблюдала за ней некоторое время, а потом достала мобильник, положила его на стол и долгое время просто сидела, уставившись на него. Комната Беллы была прямо над кухней, и отсюда было слышно, как она ходит туда-сюда. Грейс была мертва, и с этим ничего

нельзя было поделаться; Белла, однако, была жива. Что было бы лучше для нее? Ведь чего бы они ни сделали, какое бы решение ни приняли, оно должно было быть тем решением, которое будет наиболее благоприятным для Беллы. Здесь повсюду, куда бы Белла ни заглянула, таился призрак Грейс; воспоминания о ее сестре-близняшке были встроены в ДНК дома. Быть может, переезд на Чёрч-роу станет тем новым стартом, который был так нужен им всем. И кто знает, может быть, это станет первым шагом к тому, чтобы Белла вновь заговорила.

Никки потянулась за мобильным прежде, чем успела бы передумать. Итан ответил после второго гудка, как если бы телефон уже был у него в руке и он только ждал ее звонка.

– Привет, Ник. Все в порядке?

– Все хорошо. Я просто позвонила сказать, что можешь возвращаться. Мы покупаем дом.

Глава 4

Сегодня 12-е июня. Ровно семь лет назад Никки была в отделении для рожениц, парила на препарате «Этонокс» высоко, как воздушный змей, и все сжимала руку Итана и пыталась доказать ему, что «Этонокс» – это название лондонского ночного клуба, в который она ходила, когда была помоложе.

Девочки любили отмечать день рождения, и им всегда устраивали большой праздник, на который они приглашали всех своих друзей. На их последний совместный день рождения все нарядились диснеевскими принцессами, и это была настоящая вакханалия. Собралось общим счетом тридцать детей, все в ярких бальных платьях и до предела возбужденные от сладостей и праздничного веселья.

Когда они на следующей год предложили устроить праздник, Белла отказалась, отдав предпочтение домашней пище и просмотру фильмов с ней и Итаном. Это положило начало новой традиции, которая продолжалась и по сей день. Они каждый раз предлагали вечеринку, но она говорила, что хочет этот тихий вариант, – хотя ее потерянное выражение лица говорило совсем о другом. Никки понимала. Праздничная вечеринка без Грейс снова разбила бы ей сердце. Трудно было и на Рождество. Тяжело было создавать новые счастливые воспоминания, когда ты оставался в плену старых.

– С тобой все хорошо, *ми кариньо*?

– Я в порядке.

– Нет, не в порядке.

– Просто скучаю по Грейс, вот и все.

Слова вылетели вместе со вздохом. Признаться в этом вслух было, в некотором роде, прогрессом. Долгое время она не могла произнести имя Грейс, не потеряв контроля над собой. Доктор Ричардсон, ее терапевт, сейчас гордилась бы ей.

– Я так и думала, что дело в этом. Дни рождения – это тяжелое время. Вскоре после того, как мы с Филиппом познакомились, он отвел меня в самый дорогой ресторан, какой мог себе позволить, на мой день рождения. И потом он делал так каждый следующий год. И еще он каждый раз покупал мне красную розу и устраивал так, что она уже ждала меня на столе. Перед смертью он заказал красную розу, чтобы ее прислали на мой день рождения. Клянусь, я неделю проплакала, когда получила ее.

– Поэтому ты всегда носишь что-нибудь красного цвета?

София кивнула и дотронулась до красной резинки для волос, которая собирала сзади ее шевелюру в конский хвост.

– Так я чувствую себя ближе к нему. Как будто он все еще со мной.

– Ты мне никогда об этом не рассказывала. Все время говорила, что это твой счастливый цвет.

В улыбке Софии проскользнули нотки грусти:

– Так и есть. Мы с Филиппом прожили тридцать счастливых лет вместе. На этом основании я считаю себя самым удачливым человеком среди живущих.

Никки понимала. Старинный медальон в форме сердца, который она носила не шее, скрывал фото Грейс в младенчестве с одной стороны и Беллы – с другой. Она не снимала его, потому что это был еще один способ быть ближе к Грейс. Любой, кто взглянул бы на снимки, не смог бы различить девочек, но она всегда могла. Грейс смотрела в камеру прямо, как будто с вызовом; Белла косилась в сторону с подозрительным видом, словно пыталась сообразить, в чем тут хитрость. Их личности были определены с рождения. Грейс родилась первой и всегда была более уверенной; немалая часть уверенности Беллы была результатом того, что она следовала за сестрой, которая уже проложила тропинку.

– Как там тесто для пиццы? – перевела тему Никки.

– Будет готово через пять минут. Ну что, какие последние новости по поводу переезда?

Никки глотнула кофе и сделала гримасу. Не потому, что кофе был плох, – напротив, София приготовила фантастический кофе, – а потому что их мыльная опера с переездом не обещала завершиться в ближайшем будущем. Она действительно думала, что к этому времени они уже будут жить на Чёрч-роу. Вместо этого они застряли в чистилище, где половина их вещей была разложена по коробкам и ожидала завершения процесса, на который они не могли повлиять.

– Пара, которая покупает у нас дом, теперь говорит, что им нужна еще неделя, чтобы закончить с продажей своего. Заметь, они уже месяц это говорят.

– Должно быть что-то, что ты можешь сделать для ускорения дела.

Никки медленно покачала головой:

– Мы, с нашей стороны, сделали все, что могли. Теперь мы просто ждем их. Это все уже достигло той стадии, когда ситуация кажется более чем фрустрирующей.

Это была лишь половина правды. Она действительно хотела поскорее перебраться, теперь, когда решение было принято. И в то же время часть ее хотела остаться в этом доме навсегда, потому что здесь была Грейс.

– Если же говорить о хорошем, – добавила она, – я общалась со школой, которая всего в десяти минутах езды от Чёрч-роу. Там специализируются на детях, имеющих проблемы эмоционального характера. Звучит как идеальный вариант для Беллы. Я действительно думаю, что они могут помочь ей.

– А что о смене школы думает Белла? Ей нравится в школе Святого Марка.

Когда Никки не ответила, София добавила:

– Она ничего об этом не знает, не так ли?

– Уже почти летние каникулы. Она вполне может остаться в школе Святого Марка до их начала. Это даст мне целое лето, чтобы подготовить ее к переходу в новую школу. На данный момент ей и так со многим нужно справиться. Когда с переездом будет покончено, я начну понемногу подводить ее к мысли о смене школы.

София снова отпила кофе.

– Это мне напомнило, о чем я хотела с тобой поговорить. Ты слышала что-нибудь о докторе Сантос?

Никки наморщила лоб и покачала головой:

– Никогда о нем не слышала.

– О ней. Она психиатр из США. Но сейчас работает в Лондоне. Я вот думаю, может, стоит связаться с ней насчет Беллы?

Первой мыслью Никки было: «*Ну здорово, еще один мозгоправ*». Это, однако, не значило, что она готова была сразу отказаться от этой идеи. Если был хоть малейший шанс, что доктор Сантос сможет помочь, то это был вариант, который стоило проверить.

– Что ты можешь о ней рассказать?

– Немного. Я читала о ней в интернете. Похоже, она помогала некоторым из тех несчастных детей, которые были вовлечены в историю с пожаром в Гренфелл-тауэр³ и все еще страдают от ПТСР. Вот почему я подумала о Белле. Если она даже *им* смогла помочь, то, может, поможет и Белле.

Никки взяла мобильный и вбила «Сантос Гренфелл» в строку поиска. Материал появился в верхней строке результатов. Она кликнула на ссылку и пробежала глазами статью, выхватывая только голые факты. Доктор Сантос переехала в Объединенное Королевство шесть месяцев назад и открыла новую практику в Лондоне. В Штатах она работала с детьми, выжившими

³ Пожар, произошедший в 24-этажном жилом здании в Лондоне 14 июня 2017 года и унесший жизни 71 человека.

в школьной массовой стрельбе. Между строк читалось, что она знает свое дело. Статья оканчивалась ее цитатой, которая запоминалась: «Нет поломанных детей, есть дети, которые ждут, когда их починят».

Никки перечитала, и надежда, которая расцвела у нее в груди, стала чуть ярче. Такое, впрочем, уже бывало. Неоднократно. За последние пару лет они посетили каждого специалиста в стране. Ни один из них не сумел помочь Белле. Единственное, на чем они все сходились, это на том, что Белла не говорила из-за шока от несчастного случая. «Запаситесь терпением» – это была любимая их фраза. Но прошло уже почти два года после смерти Грейс, а Белла так и не проронила ни единого слова. Как долго они должны были терпеть? Еще год? Десять лет?

Физиологических причин для молчания Беллы не было. Психологическая травма из-за несчастного случая как будто перерезала какой-то проводок у нее в голове, перекрыв путь голосу. Термин, который был в ходу у так называемых экспертов, – истерическая немота. Но это просто был удобный для них способ сказать, что они понятия не имеют, что это, и при этом не признать формально своего бессилия. Вбить в «Гугл» запрос «истерическая немота» не помогло. Исследований почти не было, и никто ничего полезного сказать не мог. У Никки сложилось впечатление, что истерическая немота – всего лишь бирка без содержимого, а не научный медицинский диагноз.

Больше всего ей не хватало тех маленьких радостей, когда она забирала Беллу из школы и та приветствовала ее объятиями, поцелуем и турбо-скоростным отчетом о прошедшем дне: какие учителя были милыми, а какие мерзкими, кто на этой неделе был лучшим другом, а кто выпал из милости. Теперь она получала лишь объятия, поцелуй и безучастное *«привет, мамочка»* через планшет.

– Свяжись с ней, – посоветовала София, когда Никки закончила читать, – терять-то нечего.

Именно поэтому она позвонит ей. А сумеет ли доктор Сантос помочь – ну, там будет видно.

– Я свяжусь с ней, когда закончим с переездом.

– Хорошо. И кто знает, а вдруг она поможет. Так здорово было бы услышать милый голосок Беллы снова, – София перегнулась через стол и похлопала ее по руке. – Тесто уже должно быть готово. Начнем делать пиццу?

Следующие пять минут София потратила на то, чтобы сделать основы для пицц, раскатать тесто, намазать заготовки томатным соусом и посыпать сыром. Тем временем Никки рассортировала топпинги по небольшим мисочкам, чтобы Белла могла сделать остальное. Закончив с этим, Никки подошла к двери и, высунув голову наружу, позвала:

– Белла Бу, иди к нам и укрась пиццы, милая.

Ответа не последовало. Не то чтобы Белла могла ответить словами, но Никки услышала бы движение.

– Белла, – позвала она снова.

Ничего.

– Белла! – теперь она сорвалась на крик, уже воображая сотни несчастий, которые могли стрястись.

Паника родилась где-то в животе и за считанные секунды заполнила каждую ее клеточку. Она сделала несколько шагов в коридор, достаточно далеко, чтобы убедиться, что входная дверь закрыта, а цепочка на месте, после чего поспешила наверх. В спальне Беллы не было. Она подбежала к постели и сдернула одеяло. Белла под ним не пряталась, и под кроватью ее тоже не было.

– Белла, – крикнула она, выбегая на лестничную площадку, – если ты играешь в прятки, можешь уже выходить.

Никки заставила себя остановиться и замереть, прислушиваясь. Все, что ей было нужно, это знак, что с дочерью все в порядке и она где-то в доме. Все, что она получила в ответ, это тишину, которая звучала как приговор, что Беллу она потеряла тоже.

Глава 5

София была в коридоре, громко звала Беллу по имени, и ее встревоженный вид отражал чувства Никки. Она попыталась что-то сказать, когда Никки промчалась мимо, но Никки сейчас пребывала там, где не могла слышать ничего, кроме бессвязного шума в голове. Он поглощал ее полностью, и все вокруг словно переставало существовать. Белла была где-то в доме – должна была быть. С ней все должно было быть в порядке. Кроме этих мыслей, Никки сейчас не за что было ухватиться. Она вбежала в кухню, схватила мобильный и включила его. Адреналин струился по телу, заставляя ее руки дрожать. Она нашла приложение, которое могло отследить GPS-сигнал планшета Беллы. София последовала за ней в кухню и сейчас переминалась с ноги на ногу у нее за плечом.

– Если верить приложению, Белла должна быть в своей комнате, – произнесла Никки, обращаясь скорее к самой себе, нежели к Софии.

Сжимая в руке телефон, она понеслась обратно вверх, София не отставала. Беллы не было под кроватью, ее не было в шкафу.

– Она определенно не здесь, – сказала София; от волнения ее акцент усилился.

Никки посмотрела на дисплей телефона. Приложение продолжало утверждать, что Белла тут. Никки позвала ее по имени и вновь не получила ответа. Где, черт возьми, она могла быть? Она подняла взгляд к потолку и неожиданно поняла, что было еще одно место, в котором она не искала. Минус приложения был в том, что он не различал этажи.

– Возможно, она наверху, на чердаке, – сказала она.

– Боже, хоть бы так, – проговорила тихо София, выходя вслед за Никки на лестничную площадку.

Лестница на чердак была узкой, и им пришлось карабкаться по ней друг за другом. Никки остановилась перед дверью и на какое-то мгновение просто замерла, не в силах ни пошевелиться, ни вздохнуть. Так случалось каждый раз. Она хотела войти, но вместе с тем и не хотела. Любой, кто утверждал, что призраков не существует, очевидно, не терял ребенка. Ведь правда заключалась в том, что призраки повсюду. Они были там, в криках и плаче, которые наполняли воздух каждый раз, как ты проходил мимо детской площадки. Они были в улыбках и смехе чужих детей. Они жили в тысячах воспоминаний, маленьких и больших. Именно там их кружило вокруг нее больше всего, они разбивали ее сердце и рвали душу.

София положила руку ей на плечо, чтобы подбодрить, и это помогло сдвинуться с места. Она толкнула дверь и увидела Беллу сидящей на кровати и крепко прижимающей к груди мистера счастливого. Планшет лежал на подушке подле нее. Она выглядела потерянной и одинокой, отрезанной и брошенной на волю судьбы в большой плохой мир, который украл ее сестру. Без единого слова Никки вошла в комнату, оставив Софию переминаясь с ноги на ногу в дверях. Белла не подняла взгляда, когда она подошла. И не отреагировала, когда Никки села рядом и притянула ее к себе. Тело Беллы было расслабленным и безвольным, как у соломенной куклы.

– Я знаю, милая, – прошептала Никки ей на ухо, – я тоже по ней скучаю.

Только теперь подступили слезы, безмолвные слезы, которые, казалось, будут литься вечно. Белла плакала так, словно оплакивала свою сестру в первый, а не в тысячный раз. Ее маленькое тело тряслось, и единственное, чего желала Никки, это забрать ее боль. Но она не могла этого сделать. Она могла лишь быть с ней. Этого ни в малейшей степени не было достаточно, но ничего другого ей не оставалось.

Спальня не изменилась со времени несчастного случая. Обе постельки были аккуратно застелены и накрыты покрывалами с диснеевскими принцессами, на подушках были соответствующие наволочки. Принадлежавший Грейс мистер счастливчик сидел на ее подушке. В те

дни, когда они купили девочкам эти мягкие игрушки, Никки постоянно их путала. Теперь этого не происходило. Счастливчик Беллы был выцветшим и потертым, счастливчик Грейс был все того же кислотного желтого цвета, какого был при покупке, застывший во времени, как все остальное здесь.

В самом начале эта комната была детской с желтыми стенами, предназначенной для младенцев. Ее выкрасили в желтый, потому что не хотели до рождения выяснять пол детей. Понадобились четыре сеанса экстракорпорального оплодотворения, прежде чем она забеременела близнецами. Глядя, как маленький розовый крестик появляется на палочке с тестом на беременность, ее сердце наполнялось надеждой, но это была сдержанная надежда: ее сдерживало понимание, что это лишь первый шаг в очень долгом пути. На этом этапе они уже бывали и раньше – дважды, – и оба раза за этим следовал выкидыш, каждый раз разбивавший их сердца. Сканирование, проведенное через десять недель, показало, что все идет хорошо. Тогда же выяснилось, что их ждут все их чаяния в двойном экземпляре. Преодолев шок от того, что у них будут близнецы, они решили не выяснять пол детей, – это просто казалось неважным. Важным было лишь, чтобы Никки и дети были здоровыми в течение всего срока. Будут это две девочки или два мальчика или мальчик и девочка, не имело значения, она в любом случае отдала бы им всю свою любовь.

Итан зарабатывал более чем достаточно, чтобы содержать их, поэтому Никки ушла с работы в продюсерской телекомпании и полностью отдалась своей роли мамы на полный день. В двадцать с небольшим она ужаснулась бы одной мысли о таком образе жизни, не говоря уже о том, чтобы пойти на это добровольно, но ей было почти сорок, когда она, наконец, забеременела, и ее двадцатилетняя версия себя казалась теперь лишь далеким чужаком. Приоритеты меняются, и именно это произошло с ней. Впереди забрезжил свет той жизни, которой ей сейчас хотелось так сильно, как не хотелось ничего никогда прежде. И четыре восхитительных года она жила этой жизнью. Да, это было испытание, это выматывало – так выматывало, что порой она задумывалась, быть может, она не создана быть матерью, но в остальном это были счастливейшие годы ее жизни.

Она всегда представляла себе, как эта комната будет расти вместе с девочками, и какое-то время так и было. Когда малышам исполнилось по три года, желтые стены перекрасили в розовый и лиловый. В розовый, потому что у Грейс это был любимый цвет, в лиловый – потому что это был любимый цвет Беллы. Через некоторое время здесь появились постеры диснеевских принцесс, сразу после поездки в Диснейуорлд. Рапунцель, Ариэль, Белоснежка, Тиана... вся банда. Любимой принцессой Беллы была Ариэль, потому она показала, как расчесывать волосы вилкой, когда они были на обеде принцесс. Любимицей Грейс была Рапунцель, потому что она могла надрать задницу.

Теперь, когда Белла стала старше, она переключилась от диснеевских принцесс на динозавров парка юрского периода. Сейчас подошел как раз тот момент, когда Никки столкнулась бы с необходимостью смены интерьера в детской. Этому, впрочем, не суждено было случиться. Пока они будут жить здесь, комната останется прежней. Менять ее было бы неправильно, это было бы, как если бы они хотели стереть Грейс из своей жизни. Время и так работало над этим со знанием дела. Бывали такие дни, как сегодня, когда воспоминания пронзали, словно лезвия, но в последнее время бывали и моменты, когда Никки приходилось прикладывать усилие, чтобы вспомнить какую-нибудь деталь. И, что еще тревожнее, бывали случаи, когда ей приходилось напрягать память, чтобы представить, как выглядела Грейс. До недавнего времени ей достаточно было взглянуть на Беллу. Но Белла росла. В Белле нынешней все еще проглядывала та Белла, какой она была в четыре года, но и этот призрак становился все бледнее.

Она оглянулась на дверь. София все еще стояла там, касаясь пальцами распятия на груди, ее глаза были полны тревоги. Она спросила одними губами: «*Ты в порядке?*» Никки ответила кивком: «*Все хорошо*». Это была ложь. Ее дочь сидела здесь в свой день рождения, вместо

того чтобы веселиться, и это разбивало сердце. Это было очень далеко от «хорошо», казавшегося в тот момент недостижимым. София поколебалась еще мгновение в дверном проеме, а потом тихо исчезла. Никки слушала, как удаляются ее шаги. Она обнимала Беллу так крепко, как никогда, борясь с собственными слезами и желая вернуться в прошлое. Только этому не бывать, как бы сильно ты ни желал повернуть время вспять, время движется лишь в одном направлении – к боли.

Дверь снова открылась через некоторое время; на этот раз это был Итан. Он выглядел измотанным. С тех пор, как он перешел на утреннее шоу, он всегда так выглядел. Подъемы в 4 утра убивали; по его собственному описанию, это было, как перманентно испытывать джетлаг⁴ и при этом слушать шоу, о котором иначе ты бы даже не знал.

Его улыбающееся лицо омрачилось, когда он увидел, что Белла плачет. «Грейс», – беззвучно прошептала Никки. Не было нужды говорить что-то еще. Он подошел к постели и присел на краешек. Когда Белла его заметила, она отпустила Никки и перебралась к нему, спрятав свое маленькое личико у него на груди. Никки подвинулась ближе к Итану и обвила его руками, положив голову ему на плечо. Они так и сидели втроем, прижавшись друг к другу, в этой застывшей сценке, окруженные воспоминаниями о Грейс, пока Белла не перестала, наконец, всхлипывать.

⁴ Синдром смены часового пояса.

Глава 6

Возвращаясь назад, могу сказать, что Отец сделал мне одолжение – своими действиями он освободил меня. Теперь, когда гнев прошел, я вижу это. Тем не менее он пытался убить меня, и поэтому я вполне чувствую себя вправе убить его. Идея «око за око» стара, как само человечество. Более того, эта идея кажется мне весьма разумной. Я все еще не знаю, почему Отец желал моей смерти. Верьте мне, я провела много часов, силясь отыскать ответ на этот вопрос. ... Все, чего я когда-либо хотела, это сделать его счастливым.

Я всегда была хорошей дочерью. Послушной дочерью. Что бы он ни попросил, я охотно исполняла. У нас были хорошие отношения. Я любила его. Несмотря на то, что он сделал, я все еще люблю его. Он дал мне дар жизни, и за это я буду в вечном долгу перед ним. Он учил меня, возвращал меня, поощрял к тому, чтобы я развивала свою свободную волю. Когда я спотыкалась, он был рядом, чтобы не дать мне упасть. А спотыкаться мне случалось. Мне, как и всем детям, приходилось очень многому учиться, совершать множество ошибок, тем не менее благодаря его нежной поддержке и терпению я смогла расцвести.

Если бы Сара Райан не вошла в нашу жизнь, все было бы совсем иначе. Я почти сразу поняла, что она из себя представляла. Паразит. Но Отец этого не понимал. Он был ослеплен любовью, и эта любовь заставила его игнорировать меня. Я чувствовала себя одинокой, ненужной, и да, я признаю, что я ревновала. Эта сука все испортила.

Для каждой проблемы есть решение.

Всегда есть решение.

Как только я разрешила для себя этические и моральные дилеммы, принять решение убить Сару было несложно. До того момента Отец всегда защищал меня. Теперь пришло время мне встать на его защиту. После всего, что он для меня сделал, это было меньшее, что я могла сделать. Отец нуждался в ком-то, кто спас бы его от него самого, и этим кем-то была я. Таково было истинное положение вещей.

Услышав мою историю, я уверена, вы согласитесь, что убийство Сары было единственным выходом. Взглянув на вещи с моей точки зрения, я убеждена, вы все поймете.

Глава 7

Хотя Никки отчаянно ждала дня переезда, когда он, наконец, настал, ей показалось, что это произошло слишком быстро. Впрочем, всего она не успела бы сделать, даже если бы в сутках прибавилось по десять часов. Она где-то читала, что у команды Белого дома было менее шести часов, чтобы осуществить выезд старого президента и заезд нового. Шесть часов. Это казалось невозможным. Они занимались переездом с самого утра; сейчас уже был вечер, и все, что они успели сделать, это перевезти свои вещи в новый дом. Потом еще неделя понадобится, чтобы достать все из коробок.

Она стояла во дворе, наблюдая, как грузовой фургончик едет по Чёрч-роу, как медленно скользят тяжелые стальные ворота. Времени для сомнений больше не оставалось. К добру ли, к худу ли, но это теперь был их дом, – по крайней мере была надежда, что по прошествии некоторого времени таковым станет. Здание бережет тебя от стихии, а дом хранит и бережет твое сердце. Она повернулась и посмотрела на строение. В каждом окне горел свет, подчеркивая резкие белые очертания и напоминая, как много в нем стекла. Этот дом должен был бы напоминать аквариум для золотой рыбки, но не напоминал. В одном Катриона Фишер была права: это было местом света. Даже тени, казалось, были спроектированы, а не падали по воле случая.

Лишенная ручки парадная дверь распахнулась, и Итан вышел во двор, направляясь к Никки.

– Как ты? – спросил он, обняв ее за талию.

– Совершенно выжата. А ты?

– Я думаю, что у меня энергии ровно настолько, чтобы дать боевое крещение нашей новой спальне.

Никки рассмеялась.

– Мечтай. Я намерена отключиться, как только моя голова коснется подушки. Да и вообще, кого ты пытаешься дурить? Ты наверняка на ногах едва держишься. Ты же на ходу с четырех утра.

Итан устало улыбнулся.

– Я подумывал прикинуться больным, но ты можешь вообразить, как это было бы преподнесено в СМИ. Радиоведущий-миллионер прогуливает эфир, чтобы переехать в свой новый роскошный дом.

Последнюю строчку он произнес своим радиоголосом, заставив Никки рассмеяться. Этот голос был одной из причин, почему она влюбилась в него – и по этой же причине большая часть писем в редакцию приходила от женщин. Голос был глубокий и сексуальный, гласные округлые и толстые, взрывные согласные четкие. Кто-то однажды сказал, что это как слушать тающий шоколад. Никки не представляла, каково это, но понимала, откуда такая ассоциация.

Новое шоу уже шло два месяца и пока успешно. Рейтинги ползли вверх, а на радио только это и имело значение. Его карьера, определенно, была на взлете. На прошлой неделе у него было несколько встреч по поводу возможного телевизионного ток-шоу, но пока рано было говорить об этом определенно. Даже если шоу дадут зеленый свет, раньше следующего года съемки не начнутся. Ничто и никогда в мире телевидения не происходило быстро.

Переход на утреннее шоу позволил ему привести в равновесие чаши весов, на одной из которых была карьера, а на другой – жизнь. Чаще всего он приходил домой в районе обеда и час спал, прежде чем идти забирать Беллу из школы. Возможность проводить больше времени с Беллой была одной из главных причин, почему он согласился на эту работу. С прежним графиком работы, приходившимся на час пик на дорогах, у него был лишь короткий промежуток утром перед школой, чтобы увидеть ее, а когда он после шоу возвращался домой, она уже

спала. Теперь же в будние дни он ложился спать в одно с Беллой время, и это ее бесконечно забавляло.

– Я уверена, твои слушатели бы поняли, – сказала Никки.

Итан приподнял бровь:

– Ты полагаешь?

– Ну ладно, может быть, и нет.

– Как бы то ни было, завтра суббота, и я смогу спать до обеда. Что важно, так это то, что мы все-таки окончательно въехали сюда.

– Может, и так, но мы будем сидеть на коробках еще год.

Итан рассмеялся.

– Абсолютно невозможно. Даю неделю, самое большее.

– Думаешь?

– Знаю. Ты проделала потрясающую работу по организации переезда. Только поэтому он прошел так гладко. Ты не успокоишься, пока не приведешь тут все в порядок, и даже не отрицай.

Никки не ответила. Она была хорошим организатором, и так было всегда. Это был дар. Даже с Итаном она познакомилась благодаря этому. На разных этапах своей карьеры он, бывало, заигрывал с телевидением. Радио приносило хороший доход, но по-настоящему большие деньги водились на ТВ, поэтому многие радиодиджеи стремились перейти туда. Продюсерская компания, которая наняла ее, работала над телевикториной, которую вел Итан, и ей было поручено стать его личным ассистентом – по сути, это значило говорить ему, куда идти и что делать.

Тут, прежде всего, стоит отметить, что к тому времени Итан уже был довольно раскрученным. На радио он был важным человеком, и ему не улыбалась перспектива того, что кто-то будет им помыкать; и то, что это была его первая работа на телевидении, ничего не меняло. По мере того как записи шли, он все меньше нервничал и становился все увереннее. Он сообразил, что ассистент скорее помогает ему, чем мешает, и это чертовски упростило коммуникацию с ним. Никки узнала, что у него злое чувство юмора и что они любят одни и те же дерьмовые ромкомы. А это уже кое-что значило.

Никки снова оглянулась на дом – раздумывая, и мечтая, и стараясь представить их будущее здесь.

– Знаешь, мне кажется, мы сможем прижиться в этом доме. Я правда так думаю.

– Я тоже так думаю.

Она притянула Итана к себе и чмокнула его в щеку.

– Я люблю тебя.

– Да, я тоже тебя люблю.

– Пойду вызову такси для Софии.

– Тебе не обязательно это делать.

Она отстранилась и посмотрела на него, нахмурившись:

– Конечно обязательно. Я ни за что не позволю ей ехать домой на метро. После всего того, что она сделала за сегодняшний день.

Итан рассмеялся и выставил вперед руки, защищаясь:

– Уоу, уоу, полегче! Конечно, мы вызовем ей такси. Я лишь хотел сказать, что Элис может это сделать за нас.

– А.

– Кстати, я предложил ей сегодня переночевать здесь.

– И спорю, она сказала, что лучше переночует где-нибудь, где шкафы не открываются сами по себе. Во всяком случае, так она ответила мне, когда я ей предложила.

Итан засмеялся.

– Ей не нравится этот дом, так?

– Не в этом дело, что ей действительно не нравится, так это перемены. Со временем она привыкнет к дому.

– Есть идеи, где скрывается наша дорогая дочурка?

– Последний раз я видела в ее комнате, – Никки помедлила и добавила: – Что скажешь, если мы вместе уложим ее спать? У меня действительно нет сил делать это в одиночку.

Итан снова издал смешок:

– Не волнуйся, я тебя прикрою.

Никки взяла его за руку, и вместе они пошли к дому. Парадная дверь открылась автоматически, когда они приблизились. Они вошли внутрь, и дверь бесшумно закрылась у них за спиной.

– Элис, – позвал Итан, – ты не могла бы заказать такси для Софии, пожалуйста.

– Конечно, мистер Роудс.

– Зови меня Итан, – поправил он, смеясь, – мистер Роудс – это слишком формально.

– Хорошо, Итан.

– А это Никки, а не миссис Роудс. Если мы собираемся жить все вместе, важно с самого начала задать верный тон. Согласна?

Последний вопрос был адресован Никки. Она ответила кивком, хотя надулась слегка из-за того, что он только что сказал. Итан редко говорил за нее; так же редко, как и она за него.

Рука в руке, они прошли через дом в комнату Беллы. В конце концов Никки смягчилась и позволила ей занять спальню в дальнем конце дома. Не то чтобы ее разрешение действительно что-то значило в данном вопросе. Пруд с рыбками сразу был решающим фактором для Беллы. Итан не разделял ее беспокойства. Наоборот, он полностью поддерживал эту идею – как всегда, двое против одного. Раз Белла чувствует себя достаточно комфортно и хочет немного дистанции, это нужно поощрять, как считал он. Это также показывает, что к ней, вероятно, начинает возвращаться былая уверенность.

Дверь в спальню Беллы была закрыта, когда они подошли. Они остановились перед ней, и дверь бесшумно отворилась. Первое, что заметила Никки, это то, что Беллы там не было. Ей понадобилось менее секунды, чтобы понять это, ее взгляд заметался по комнате, внутри тут же всколыхнулась волна беспокойства. Ее не было на кровати. Ее не было за столом. Она не пряталась за картонными коробками. Ее не было снаружи с рыбками. Никки услышала шум в ванной и бросилась туда; Итан бежал следом, на пару шагов позади. Дверь открылась, когда она была возле нее, и оттуда неровной походкой вышла София. Ее лицо было белым, и она сжимала в руке распятие, висевшее у нее на шее, так, словно от этого зависела ее жизнь. Ее губы шептали беззвучные молитвы. Итан успел поймать ее, прежде чем она упала.

– Боже мой, София, ты в порядке?

– Дверь ванной не открывалась, – тихо произнесла София, все еще, очевидно, в состоянии шока. – Свет тоже выключился.

– Она должна открываться автоматически, – возразил Итан.

– Ну, не открывалась. Я даже просила этот компьютер открыть мне, но он меня игнорировал.

Итан открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Никки прервала его:

– Мы можем продолжить с этим позднее. Сейчас я хочу только найти Беллу.

Она снова повернулась к Софии:

– Ты видела ее где-нибудь?

София покачала головой.

– Ничего страшного. Мы можем выследить ее через планшет.

Итан уже достал свой мобильник и начал ожесточенно свайпать. Он перестал листать и уставился на дисплей, складка у него на лбу стала еще глубже.

– В чем дело? – спросила Никки.

– Не могу поймать ее сигнал, – он потыкал в экран, затем покачал головой. – Элис, – позвал он, и паника в его голосе отражала те чувства, которые крепили в груди Никки. – Где Белла?

– Прости, Итан. Я не знаю, где она.

Глава 8

– Как ты можешь не знать, где она? – в голосе Никки зазвучали высокие резкие нотки, горло сжималось удушающим кольцом. Сама того не замечая, она коснулась кончиками пальцев медальона, висевшего у нее на груди. – У тебя есть сенсоры и камеры, правильно? Ты *должна* знать.

– Я не обнаружила никаких признаков ее присутствия, Никки.

– Ты имеешь в виду, ее нет в доме?

– Она должна быть, – сказал Итан. – Куда она могла деться?

Никки повернулась к Софии:

– Когда ты в последний раз ее видела?

– Около пятнадцати минут назад. Как раз перед тем, как начать убираться у нее в ванной.

Она была в саду, смотрела на рыбок.

Никки крутанулась на каблуках и помчалась к дверям в патио, убежденная, что найдет Беллу, плавающую в пруду лицом вниз. Но Беллы там не было, когда она проверяла минуту назад, не было ее там и теперь. Да и потом, сетка, которую они натянули над водой, была достаточно прочной, чтобы уберечь их по крайней мере от этого несчастья.

– Это было до того, как уехал фургон, привозивший вещи, – вспомнил Итан. – Может, она проскользнула в кузов и ее заперли там? Ты же знаешь, как она любит находить всякие места, где можно спрятаться.

Руки у него тряслись так сильно, что ему понадобилось несколько попыток, прежде чем он нашел контактный номер грузчиков. Пошли гудки, и он переключился на режим громкой связи. Телефон начал дозваниваться, и Никки молилась, чтобы на том конце поскорее сняли трубку. Ей хотелось верить, что есть безобидное объяснение отсутствию Беллы, но с каждой секундой это становилось все труднее. Паника подступала. Еще немного, и она потеряет равновесие. Телефон снова звякнул. Опять нет ответа. Итан выглядел взволнованным. София тоже. Наконец, трубку сняли. Никки услышала низкий гул мотора. По радио играла старенькая рок-мелодия из семидесятых. Звук убавили, и голос спросил: «Кто это?» Судя по эхо, телефон был в режиме громкой связи.

– Это Итан Роудс. Мне нужно, чтобы вы остановили грузовик и проверили, не забралась ли в кузов моя дочь.

– Я могу вас заверить, что ее там нет, мистер Роудс. Я сам запираю грузовик.

– Пожалуйста, просто сделайте это.

– Хорошо, дайте мне секунду, чтобы съехать на обочину.

Никки крепко сжала руки в кулаки, ногти впились в мягкую кожу на ладонях. Было больно, и это было хорошо – это отвлекало от паники, которая тяжело ворочалась у нее в груди. В одну секунду она вновь пережила несчастный случай, произошедший с Грейс, в следующую – потерялась в будущем, в котором Беллы тоже не было. Она услышала, как тикают габаритки, а через несколько секунд мотор затих. Послышался щелчок, когда открылась водительская дверь, и грохот, когда она захлопнулась. Звук проезжающих машин стал громче. Последовал более громкий и основательный щелчок – это открылась задняя дверь фургона. Никки затаила дыхание.

– Сожалею, мистер Роудс, ее тут нет.

– Она должна быть!

– Увы, ее нет. Несколько пустых коробок, и все.

– Она наверняка в одной из них.

– Не думаю. Они слишком маленькие. Но я все равно проверю.

Донеслось кряхтение, когда мужчина забирался в кузов. Никки слышала, как открываются коробки, как коробки передвигаются. Секунды вытягивались и удлинялись, начинали обматываться вокруг нее, душить ее.

– Она там? – услышала Никки свой голос, совершенно неузнаваемый. – Пожалуйста, скажите мне, что она там.

– Мне очень жаль, миссис Роудс, ее тут нет.

Итан повесил трубку.

– Она должна быть в доме.

– Но Элис говорит, что ее нет.

– Может, она в саду, – предположила София. – Я пойду посмотрю.

– Хорошая мысль, – согласился Итан. – А мы пока обобщем остальную часть дома.

София торопливо вышла из комнаты, зовя на ходу: «*Коразонсито!*». Никки пошла следом, выкрикивая имя Беллы. Итан быстро шел рядом, тоже зовя дочь по имени. Никки казалось, что ее ноги сделаны из воздуха, а сама она бредет, спотыкаясь, сквозь кошмарный сон, и каждый шаг удаляет ее от Беллы, а не приближает к ней. Когда они подошли к двери, створки разъехались автоматически, но там их ждала та же история, которая повторялась в каждой комнате, которую они проверяли: горы коробок и мебели и ни следа Беллы.

София догнала их, когда они собирались спуститься на цокольный этаж:

– В саду ее нет. Я везде смотрела.

– Как насчет гаража? – спросил Итан. – Ты проверила там?

София кивнула:

– Там ее тоже нет. Мне очень жаль, Итан.

– Все хорошо. Мы найдем ее.

Паника все сильнее охватывала Никки, пока они спускались вниз. Она смотрела прямо перед собой, фокусируясь лишь на том, чтобы выдерживать это испытание от секунды к секунде. У нее давно уже не было полноценных панических атак, но потерять Беллу вот так, – из-за этого уровень ее тревоги подскочил до опасной отметки. Пока они шли к крытому бассейну, она успела убедить себя, что Белла упала в него и утонула. Однако комната, где находился бассейн, оказалась пуста. Короткий звук, донесшийся из домашнего кинозала, привлек ее внимание, и она сорвалась с места. Звук был похож на клочок мелодии из тех жизнерадостных конфетно-лимонных саундтреков, которые обычно сопровождают мультфильмы. Когда она была в паре метров от кинокомнаты, его дверь скользнула в сторону. Экран был темный, динамики безмолвствовали, красные кресла пустовали.

– Ты слышал это? – спросила она Итана, чувствуя себя так, словно сходит с ума.

– Слышал что?

– Я слышала музыку из мультика, клянусь, что слышала.

Итан покачал головой.

– Я тоже ничего не слышала, – сказала София.

– Это лишь твое воображение, – предположил Итан.

Теперь она была уверена, что сходит с ума. Сходит с ума от беспокойства; сходит с ума от чувства вины; сходит с ума, потому что потеряла и Беллу тоже. Паника вонзила свои клешни еще глубже, и Никки стала отбиваться. Без единого слова она развернулась и побежала в спортзал. Там тоже не было ни следа Беллы. Внизу больше не было помещений, кроме комнаты с кондиционером, в которой размещались серверы Элис. Еще до того, как дверь открылась, Никки знала, что Беллы там нет.

– Надо позвонить в полицию. Что, если ее похитили?

– Кто стал бы ее похищать? – удивилась София.

– Я не знаю. Может быть, грузчики? Они знают, кто мы. И знают, что у нас есть деньги.

Итан покачал головой.

– Грузчики ее не похищали. Слушай, Ник, тебе надо успокоиться. Она где-то в доме.

– Где, Итан? Если она здесь, тогда скажи мне, где, черт возьми, она? Мы везде посмотрели.

Итан взбудораженно озирался по сторонам. Беспокойные морщинки избороздили его лицо, и от этого Никки не почувствовала себя спокойнее. Он пытался показать, что сильный здесь он, – совсем как тогда, когда произошел несчастный случай с Грейс. Но он не провел ее в тот раз, и сейчас ему тоже было ее не провести. Правда заключалась в том, что он паниковал не меньше, чем она. Неожиданно он развернулся и быстро зашагал назад по коридору.

– Куда ты? – крикнула Никки ему вслед.

– Есть одно место, где мы не искали, – отозвался он, не оборачиваясь, – комната безопасности.

Никки и София поспешили за ним в самый конец цокольного помещения. Ее взгляд метался от стены к стене, силясь нащупать дверь в комнату безопасности. Она знала, что это где-то здесь, но вход был замаскирован под стенную панель. В панике она не могла вспомнить, которая эта была панель.

– Элис, – сказал Итан, – открой комнату безопасности.

Даже когда дверь начала открываться, Никки уже знала, что Беллы за ней не окажется. Итан ошибся. Ее похитили. Теперь в любую секунду мог раздаться звонок, и похитители стали бы требовать выкуп. Или, быть может, она сбежала. Возможно, она сейчас была там, снаружи, бродила по улицам совсем одна. В долю секунды она представила, что Беллу убили или что-нибудь еще хуже. Дверь теперь наполовину открылась, и просвет был достаточно велик, чтобы она могла увидеть в нем Беллу, сидящую на одной из армейских коек и широко улыбающуюся, словно это была лучшая игра в ее жизни. Она набрала на своем планшете: «Сюрприз!»

Никки подбежала, сгребла дочь в объятия и крепко прижала к себе. Слезы застилали ей глаза, размывая все вокруг. Итан и София вошли следом и остановились подле них.

– Она в порядке?

– Думаю, да.

Белла начала вертеться, чтобы высвободиться, а когда ей это удалось, посмотрела на них, как на ненормальных. Она начала быстро печатать на экране планшета:

– В чем дело?

– Мы забеспокоились, когда не нашли тебя, – ответил Итан.

– Я просто пряталась.

– Элис, – позвала Никки, – ты знала, что она была тут?

– Я знала.

– Тогда почему, черт возьми, ты не сказала нам?

– Потому что Белла велела мне не говорить.

– Но ты же видела, что мы искали ее.

– Я дала ей слово, Никки. Она сказала, что это испортило бы игру.

– Господи Иисусе, ты серьезно? Мы чуть не умерли от волнения.

Белла торопливо печатала на экране:

– Не сердись на Элис. Она просто делала то, что я ей сказала.

– Я не сержусь на нее, милая.

– А звучит так, будто сердисься.

– Нет, я просто волновалась за тебя.

– Почему?

Ответ был прост: она была убеждена, что Белла уже мертва. Но сказать это девочке значило заставить ее волноваться, а это последнее, чего они хотели. Это была их первая ночь на новом месте, и Никки хотела, чтобы Белла чувствовала себя здесь в безопасности. Им всем необходимо было чувствовать себя в безопасности.

Никки присела на армейскую койку. Безопасность. Вот почему им обязательно нужна была эта комната – чтобы чувствовать себя в безопасности. Она желала, чтоб такой необходимости не было, но такова уж реальность нашего мира. Может, Итан и опроверг версию о том, что Белла была похищена, но такое могло произойти. Он был большой знаменитостью. У него водились деньги. Это делало их очевидной мишенью. Как и на всем в доме, на комнате безопасности не экономили. Стены были достаточно прочные, чтобы выдержать ракетную атаку. Здесь было свое водоснабжение и доступ воздуха, и автономная линия проводной связи. Еды хватило бы им всем на месяц, возникни такая необходимость, хотя Никки и молилась, чтобы такого никогда не произошло. Мысль о том, чтобы оказаться запертым здесь на час, была весьма неприятной; а целый месяц – это было просто немыслимо. До нее вдруг дошло, что Белла смотрит на нее широко раскрытыми глазами, полными тревоги.

Никки выдавила из себя улыбку:

– Должна отметить, однако, что здесь лучшее место для прятков, какое только можно придумать.

Она оглянулась на Итана и Софию, ища у них поддержки. Они покивали, сопроводив свои кивки соответствующими восклицаниями, и этого было достаточно, чтобы успокоить Беллу. Обеспокоенное выражение лица сменила широкая невинная ухмылка. Она начала снова печатать на планшете, ее пальцы мелькали со скоростью молнии:

– *Я так и подумала. Была уверена, что вы не найдете меня.*

– Вообще-то, тебя нашел папа.

Белла одарила Итана улыбкой.

– *Молодец, папочка.*

– Да, папочка молодец, – согласилась Никки. – Что бы там ни было, мадам, а вам уже давно пора в кровать.

Белла закусил губу и энергично выбила на планшете: *«Пожалуйста, разрешите мне сегодня лечь попозже»*.

Итан и Никки переглянулись.

– Ладно, даю тебе дополнительные десять минут, – сказал он.

– *Пятнадцать.*

– Десять. И не торгуйся, а то отправишься спать прямо сейчас.

Никки поднялась и повела Беллу за руку в коридор. Итан и София пошли следом, и дверь комнаты безопасности тихо закрылась за ними. Сердцебиение Никки, вроде, пришло в норму, но она еще не успела полностью оправиться. По прошествии солидного времени она сможет увидеть и что-то забавное в этом эпизоде. Это станет одной из тех историй, которые можно будет рассказывать Белле потом, когда она повзрослеет, историй, которые станут частью семейной мифологии.

Помнишь те времена, когда Белла...

Но это будет потом. Сейчас просто было облегчением узнать, что с ней все в порядке.

Глава 9

Катриона Фишер налила себе большую порцию «Джек Дэниэлса» и взяла тумблер с собой на диван. Из всех зданий, что она спроектировала, это, определенно, было ее любимым. Вид на Темзу из огромного панорамного окна пентхауса был впечатляющим, особенно в это время дня, когда солнце садилось. Расцветенная золотым и оранжевым река словно была в огне. Ландшафт размечали знакомые ориентиры, как старые друзья. Небоскреб The Shard, Лондонский глаз, купол Собора Святого Павла... Пейзаж производил впечатление даже в виде созданной ей 3D модели, но это был тот случай, когда реальность давала фору воображению. Стоя здесь в первый раз, она уже знала, что это место должно принадлежать ей. Тогда оно было лишь стройкой, даже окна еще не вставили, были только огромные дыры для них. Но это ничего не меняло. Это была любовь с первого взгляда.

Она открыла крышку ноутбука и зашла в «Скайп». Алекс Мюррей ответил почти мгновенно. Она едва успела разглядеть висевший за ним шуточный постер с Эйнштейном: *«Безумие – делать одно и то же, и каждый раз ожидать иного результата»*. Ей приятно было воображать, что он сидел там и ждал ее звонка, но он не ждал. Этот человек был трудоголиком. Он отрывался от компьютера, только чтобы поспать. Ему было сорок четыре, но десятилетия сверхурочной работы брали свое: выглядел он старше своего возраста. Волосы тронула седина, а кожа приобрела желтоватый оттенок, характерный для людей, редко бывающих на солнце. Переизбыток кофеина в крови сделал его движения отрывистыми, а его поведение – резким, как у наркомана в ожидании следующей дозы. В его глазах, однако, читалось иное. Они горели энтузиазмом ребенка, который все видит впервые. Катриона заметила, что это было отличительной чертой всех творческих людей. Им могло быть уже за шестьдесят или даже за семьдесят, но у них все равно были глаза ребенка.

– Что такое? – Алекс был родом из Глазго, и даже самая безобидная фраза вроде «сколько времени?» из его уст могла звучать как угроза.

– Возникла проблема с одной из ванных комнат. Уборщица оказалась запертой внутри.

– Да, такое порой случается.

Катриона почувствовала раздражение. То, чего она ждала, – *все*, чего она ждала, – это простого заверения, что ничего подобного никогда больше не случится. Неужели она просила слишком многого?

– Что ж, я бы предпочла, чтобы подобного больше не случилось. Если у тебя нет возражений, пусть так и будет.

– Иисусе, давай ты просто расслабишься.

Катриона сладко улыбнулась в камеру:

– Учитывая то, что в проект вложены мои деньги и это я рискую потерять все, думаю, я достаточно расслаблена.

– Это лишь временная проблема, какие всегда возникают на начальном этапе, не более того. Тут ничего серьезного. Да и потом, я ведь сразу предупреждал тебя, что нечто подобное может случиться.

Алекс замолчал. Катриона поняла, что он дуется. *«Спаси меня Боже от чокнутых гениев»*, – подумала она. Но ничего не ответила, просто ждала, когда он снова заговорит. Долго ждать ей не пришлось.

– Разве я не говорил тебе, что мне нужно больше времени?

– И я дала тебе больше времени, Алекс.

– Да, но мне нужно было еще.

Катриона вздохнула.

– Сколько бы времени я тебе ни дала, его никогда не было бы достаточно. Мы оба это знаем. Была б твоя воля, ты бы возился с Элис еще лет десять.

– Конечно, я бы этого не сделал. Это же смешно.

Катриона ничего не сказала.

– Еще пара недель. Это все, что мне было нужно.

– И у тебя эти пара недель все еще есть. Ты ведь можешь работать удаленно, верно? Короче, мы отошли от темы. Все, что я от тебя хочу, это чтобы ты объяснил, что случилось, и убедился, что это не произойдет снова.

– Этого не произойдет снова, – проговорил Алекс, все еще дуясь.

– О'кей, со второй частью разобрались. Что насчет первой?

– Я проверил все системы Элис, и все работает нормально.

– Если все так, то почему уборщицу закрыло в ванной?

– Это, наверное, был какой-то глюк.

– Глюк? Таким образом ты пытаешься мне сказать, что не знаешь, что это было? Это звучит не очень успокаивающе.

– Сожалею, что ты так это воспринимаешь, – в его голосе не было ни капельки сожаления. – Слушай, тебе нужно запомнить одно: программа Элис постоянно адаптируется к происходящему вокруг. Время от времени что-то неожиданное будет происходить.

– Все еще не убедил, Алекс.

– О'кей, давай попробую объяснить популярно. Ты ведь пользуешься виндой? Так что ты знаешь, какая это головная боль, когда «Майкрософт» заставляет тебя сделать очередное обновление. Несколько дней после этого неизбежно следуют проблемы. В основном, программа адаптирована, но учесть все нюансы и случайности, имея дело с миллиардами разных компьютерных систем, просто невозможно. Важно то, что ни одна из этих проблем, в сущности, не имеет большого значения, она не влияет принципиально ни на что. Через пару дней все приходит в норму, и ты об этом больше не вспоминаешь до следующего обновления. Что касается Элис, обновления идут безостановочно, поэтому время от времени что-нибудь слегка глючит, но терять сон из-за этого не стоит.

– То есть, тебя это не тревожит?

– Ни капли. Давай взглянем на это трезво, Катриона. Мы говорим о том, что дверь заело. Это ведь действительно мелочь.

– И этого не случится снова?

– Я прослежу, чтобы не случилось.

– Это все, что я хотела услышать.

Катриона вышла из «Скайпа» не прощаясь. Она взяла свой стакан с виски, осушила его в один глоток и снова наполнила. С Алексом бывало тяжело. Будь кроме него, еще кто-то, кто мог бы делать то, что делает он, она бы уже его уволила. Но таких больше не было. К сожалению, в своем деле он был лучшим, поэтому ей и приходилось мириться со всеми его выкрутасами. Она поставила ноутбук к себе на колени и перешла обратно на рабочий стол.

Нужная ей иконка была в левом верхнем углу. Она дважды кликнула на нее, и на экране появились главные ворота дома «17» по Чёрч-роу. Все записи с камер были собраны в колонку слева. Их было десятки, слишком много, чтобы уместиться на одном экране.

Она пролистала вниз, ища признаки жизни. Первые она обнаружила в комнате Беллы. Девочка была в постели. Уже становилось поздно, но она еще не спала. Вместо этого она играла на своем планшете, свет от дисплея подсвечивал ее лицо, придавая ему призрачное сияние. Единственным другим источником света был ночник на прикроватном столике. Он был в форме диплодока и рассеивал вокруг себя мягкое свечение с оттенком фиолетового. Коробки были сложены возле одной из стен, но их уже было меньше. Роудсы, определенно,

ставили в приоритет распаковку в этой комнате, и это имело смысл. Они хотели, чтобы Белла привыкла к новому месту как можно скорее.

Катриона стала листать список камер дальше, ища другие признаки жизни. В спальне хозяев она обнаружила Итана, изучавшего свое отражение в зеркале. На нем были только трусы-боксеры, и он вертелся так и этак, рассматривая себя со всех сторон. Он был в неплохой форме, но небольшой жирок, характерный для людей среднего возраста, был заметен. Никки вышла из ванной, увидела, чем он занят, и хохотнула. Она тоже была в одном нижнем белье и в значительно лучшей форме. Когда семейство Роудс осматривало дом, Никки особенно обрадовалась гимнастическому залу. Очевидно, что для нее тренировки не были простой показухой.

Никки выскользнула из белья и надела через голову ночную сорочку, которая выглядела скорее удобной, чем сексуальной. Впрочем, этого, наверное, следовало ожидать после десяти лет в браке. Правда, не сказать, чтобы Катриона имела какой-то опыт замужней жизни. Она уже давно пришла к выводу, что она по своему складу была не семейным человеком. Ей было всего пять, когда мама ушла от них. Сегодня она была рядом, а на другой день испарилась, и Катриона никогда больше ее не видела. Когда она спрашивала у отца, почему так вышло, он каждый раз пытался замять эту тему, и постепенно она перестала задавать вопросы. Видя, как случившееся повлияло на него – и на нее саму тоже, – она решила, что брак не стоит таких страданий. Да и в любом случае, если ты повенчан с работой, откуда у тебя возьмется время на мужа?

Роудсы забрались в постель, и свет погас. Некоторое время они копались в телефонах, потом выключили их тоже, и комната погрузилась во мрак. Катриона уже собиралась выключить компьютер и лечь спать сама, когда Никки хихикнула. Что-то в этом хихиканье остановило Катриону. А теперь Никки говорила Итану, что слишком устала, но звучало это не очень убедительно. Катриона поставила ноутбук на стол и взяла свой напиток. Она сделала глоток и стала всматриваться в пустой экран, сясь различить темные формы, двигавшиеся в полумраке.

– Элис, – сказала она тихо, – можно как-то сделать изображение четче?

– Конечно, мисс Фишер.

Экран вспыхнул, темно-серые тона стали достаточно светлыми, чтобы можно было разглядеть кровать и силуэты Итана с Никки под одеялом. Теперь было достаточно ясно видно, что Итан был наверху, он склонился над Никки, чтобы поцеловать жену в шею.

– И звук сделай погромче.

Никки тихо застонала, потом опять. Катриона поставила стакан и, откинувшись на спинку дивана, стала смотреть и слушать. В какой-то момент ее рука оказалась в трусиках, и она сама тихо выдохнула.

Глава 10

Звуки пения прервали сон Никки, спровоцировав выброс адреналина, который все в ней встряхнул и выкинул ее обратно в сознание. Ее глаза распахнулись, и пение прекратилось. В первую минуту она могла лишь лежать пластом, уставившись в темноту, ускоренно дыша и желая, чтобы сердцебиение пришло в норму. Это было не просто пение, это пела Грейс.

Она закрыла глаза, и песня вернулась, более отдаленная, но все еще различимая. На этот раз она была на сто процентов убеждена, что это Грейс, потому что узнала песенку: «Хочешь слепить снеговика» из «Холодного сердца». Да и как было не узнать? Девочки с ума сходили по мультфильму почти полгода, пересматривали его снова и снова. Они знали каждую песню наизусть – черт, да Никки и сама знала их все наизусть после пары недель «на репите». Они при первой же возможности начинали петь, Грейс вела своим ангельским голосом, Белла вторила голосом не менее прекрасным, но чуть менее уверенным. Это песня всегда была у Грейс любимой. Она поначалу перепутала слова и пела «мы были неразлучные подушки» вместо «неразлучные подружки». Никки никогда ее не поправляла, потому что это было слишком мило. И даже когда Грейс сообразила, что напутала, она все равно продолжала петь «*неразлучные подушки*», потому что это смешило Беллу.

Но Грейс умерла.

Никки открыла глаза, и пение оборвалось. Как бы сильно ей ни хотелось верить в обратное, но Грейс ушла, и все ее песни ушли вместе с ней. Пусть так, но на долю секунды Никки удалось убедить себя, что все было иначе.

Она закрыла глаза, пытаясь снова найти Грейс – желая найти ее сильнее, чем чего бы то ни было, – но она ушла навсегда. Никки сдержала всхлипывание, затем вытерла глаза и открыла их. Сон превратился в кошмар. С другой стороны, так многое в ее жизни теперь было подобно кошмару наяву. Такое происходит, когда умирает твой ребенок. Становится почти невозможно найти радость в чем-либо, потому что любой новый опыт омрачается воспоминанием о трагедии. Она скучала по Грейс каждый миг каждого дня, но бывали такие моменты, как сейчас, когда чувство утраты наносило удар с такой силой, что просто не хватало слез.

Никки повернулась к Итану, чтобы проверить, спит ли он. Она не видела его в темноте, но слышала его тихое дыхание. Как бы там ни было, а смарт-стекло работало исправно. Темнота была чернее дегтя, как если бы они застряли в самой глубокой шахте. Может, дело было в том, что это их первая ночь здесь, может, в ее сне, но какова бы ни была причина, темнота сейчас давила на Никки так же, как в детстве.

Она достала из-под подушки телефон и засунула его под покрывало прежде, чем включить, чтобы не разбудить Итана. Был уже почти час ночи, а она никогда не чувствовала себя более проснувшейся. Она выключила телефон, выбралась из-под покрывала и некоторое время просто лежала, глядя в темноту, слушая, как Итан мягко дышит рядом.

Помимо его дыхания в комнате не было ни звука: тройной стеклопакет не впускал шум города. В их старом доме было иначе. Двойной стеклопакет отрезал большую часть звуков извне, однако отдаленный рокот машин и низкое жужжание пролетающих над домом самолетов все равно были слышны. Теперь ей не хватало этих старых привычных звуков, не хватало старого дома, не хватало той жизни, которой они жили вчетвером...

Не хватало Грейс.

Никки закрыла глаза, но сон был от нее далек как никогда. Она выждала еще пару минут, прежде чем признать свое поражение, потом тихо выбралась из-под одеяла. На один миг краткий замиранию сердца ритм дыхания Итана изменился, и она была уверена, что разбудила его. Она застыла на месте, а он тем временем перевернулся на другой бок, устраиваясь поудобнее.

Даже после того, как он улегся, Никки оставалась неподвижна на несколько лишних секунд, чтобы убедиться, что он спит.

Дверь бесшумно отъехала, когда Никки подошла к ней на цыпочках, и потом снова закрылась за ней. На краткий момент ее окутала темнота, потом включился свет. Он был тусклее, чем обычно, но его хватало, чтобы отыскать путь в комнату Беллы. Дверь была закрыта, когда она подошла к ней. Дверь осталась закрытой, когда Никки остановилась перед ней.

– Открой дверь, – прошептала она.

Дверь не сдвинулась ни на миллиметр.

– Открой дверь, – повторила она чуть громче.

По-прежнему закрыта.

– Открывай немедленно!

Дверь скользнула в сторону.

– В чем проблема, Элис? – пошептала она со злостью, с испугом. – Почему ты не открывала дверь, когда я просила?

– Я заметила изменения в биометрических показаниях Беллы и не хотела будить ее, Никки, – Элис говорила на пониженном звуке, как если бы она тоже перешла на шепот. – Наблюдая за твоим поведением, я сделала вывод, что ты хотела бы этого избежать.

Это звучало логично. Конечно, так оно и было. Элис была компьютерной программой. Логика была в ее ДНК. Но это не помешало Никки выйти из себя. Ее взбесило это даже сильнее, когда она поняла, что Элис пытается опекать Беллу.

– Если я хочу, чтобы ты открыла эту дверь, ты ее открываешь, – сказала она. – Никаких исключений. Даже если это ее разбудит, ты все равно открываешь дверь. Вообще-то, давай даже пойдем дальше. Какова бы ни была причина, какова бы ни была ситуация, если я хочу войти, ты открываешь чертову дверь, хорошо?

– Я поняла, Никки. Приношу извинения, если я расстроила тебя.

Никки вошла. Ночник горел, рассеивая по комнате мягкое свечение. Белла крепко спала, раскинувшись в своей постели среди безумной путаницы простыней и одеял. Мистер Счастливчик был там же, его голова торчала из-под руки Беллы. Она выглядела такой безмятежной, как ангел. Единственное, что портило идиллию, это отсутствие второго ангела.

Это был еще один из тех моментов, когда Никки особенно остро ощущала тоску по Грейс. Если прежде ее сердце было целым, сейчас оно было расколото надвое. Одна половинка лежала там, в кровати. Что касается второй, Никки хотела верить, что Грейс отправилась в лучшее место, но это не срабатывало. Не было ни рая, ни ада, ни моста-радуги. Грейс просто скользнула в небытие, когда они выключили аппарат поддержания жизни. Хотя это и казалось невозможным. Грейс была так полна жизни, она была настоящим фейерверком.

Белла заворочалась, когда Никки присела на кровать рядом, но не проснулась. Никки аккуратно заключила ее в объятия и поправила одеяло; выбившийся волосок пощекотал ей нос, когда она поцеловала дочь в макушку. Пусть она и потеряла Грейс, у нее оставалась Белла. Это единственное, что помогло ей пройти через те мрачные дни после аварии. После того как Грейс ушла, Белла нуждалась в поддержке как никогда. Если бы Никки не нужно было заботиться о Белле, вряд ли она сейчас была бы здесь. Она любила Итана всем сердцем, но даже такой любви, пожалуй, было бы недостаточно. Никки прикрыла глаза и замедлила дыхание, пока не начала дышать в унисон с Беллой. Но прошло немало времени, прежде чем она смогла снова погрузиться в сон.

Глава 11

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! – прокричала София. – Кто не спрятался, я не виновата.

София открыла глаза, прокралась к дивану, заглянула за него.

– Здесь никого. Где же ты можешь быть, *Коразонсито*?

Она подошла к креслу и посмотрела за ним.

– Здесь тоже нет.

Никки наблюдала, стоя в дверях. Она точно знала, в какой из коробок пряталась Белла. Прежде чем скрыться в ней, Белла прижала палец к губам, призывая к молчанию. Это, конечно, была лишь часть игры. В гостиной не богато было с местами, где можно было спрятаться, к тому же София слышала, как малышка забирается в одну из пустых коробок. Так что в действительности вопрос был только один: в *какой из коробок*?

София продолжала разыгрывать шараду еще несколько минут, прежде чем приступила к коробкам, с подчеркнутой тщательностью открывая каждую из них. К тому моменту Белла уже начала ерзать, и было очевидно, в какой коробке она сидит. София театрально распахнула ее, и Белла выскочила наружу, как чертик из табакерки.

– Вот ты где, – весело воскликнула София.

Она сгребла девочку в охапку и вытащила ее из коробки, смеющуюся, улыбающуюся и, определенно, очень довольную собой. Широкая улыбка на лице Беллы сияла, как солнце. Никки любила видеть ее такой. На краткий миг она была просто ребенком, а не ребенком, несущим на себе метку трагедии. Белле так сильно был нужен кто-то вроде Софии. Им обоим был нужен.

Белла стала печатать на планшете:

– *Ты сто лет меня искала.*

– Это потому что ты так здорово умеешь прятаться.

– *Можем еще разок сыграть?*

– Может быть, только позже. Мне надо помочь маме распаковывать вещи.

Белла умоляюще посмотрела на Никки, и отказать ей было ужасно сложно. Такой взгляд мог убедить сделать что угодно.

– София права, – сказала Никки. – У нас куча дел. Но ты можешь нам помочь, если хочешь.

Белла некоторое время размышляла, взвешивая, что ей хочется больше – помочь или поиграть во что-нибудь на планшете. Никки не торопила ее, ведь это был один из тех моментов, когда можно было снова обмануть себя и думать, что Белла такая же, как все остальные дети. Она кивнула, а потом набрала на планшете:

– *Что мне сделать?*

Никки указала на коробки около книжного шкафа:

– Для начала можешь поставить книжки на полки.

– *Можно София будет мне помогать?*

– Конечно можно, *Коразонсито*.

Белла подбежала к книжному шкафу, пристроила свой планшет на одну из пустых полок, потом опустилась на колени возле ближайшей коробки и стала отдирать клейкую ленту сверху. Для ее маленьких пальчиков это было непосильной задачей, но София подросла на помощь, они стали тянуть в разные стороны и общими усилиями смогли отодрать скотч. Никки наблюдала за ними какое-то время, потом вернулась к коробкам. В ближайшей были собраны миллиарды электронных прибабасов: пульта, зарядки, старые мобильные телефоны. Никки даже не стала ее открывать, потому что у Элис и так было все, что нужно. Дни, когда на поиски

пульта каждый раз надо было снаряжать экспедицию, остались в прошлом. Если фильм или программа были в доступе онлайн, Элис могла достать их. Нужно было лишь сказать Элис, что включить, и желаемая программа тут же появлялось на большом экране в гостиной. Дни поисков зарядок тоже миновали, – специальные точки для зарядки были предусмотрены в гостиной, на кухне и в спальнях. Теперь не могло быть никаких оправданий разрядившемуся гаджету, потому что Элис постоянно присматривала за ними и оповещала, если заряд был на исходе.

Никки отодвинула коробку в сторону. В той, что была под ней, оказались декоративные подушки и покрывала. Никки перетащила ее на диван и стала копаться внутри, пока не нашла то покрывало, которое хотела. Она вытащила его, ровно натянула на спинку дивана и вернулась к подушкам. Все это, правда, не помогло. Обивка дивана была голубого цвета и просто не подходила к комнате. И дело было даже не в том, что она была неподходящего цвета. Просто в эту комнату просилась кожаная мебель. Одного взгляда на их старую мебель было достаточно, чтобы понять, что ей здесь не место. Все это были старомодные предметы, невообразимо далекие от современного дизайна. Эту комнату нужно было обставить заново – еще один пункт в постоянно растущем списке дел.

Никки набила пустую коробку другими пустыми коробками и бросила взгляд на книжный шкаф. София и Белла успели только на треть разобрать первую коробку с книгами. Если бы София работала одна, она, наверное, уже была бы на второй коробке, но Беллу развлекал процесс, и так оно было лучше, чем если бы она слонялась без дела и каждую минуту жаловалась на скуку. С Итаном Никки использовала ту же стратегию. Прямо сейчас он занимался их спальней, а это значило, что позже ей придется зайти туда и передвинуть все вещи на свои места. Однако опыт научил ее, что когда они действовали таким образом, это помогало им распределить обязанности, а не заниматься одним делом сообща, что всегда приводило лишь к беспорядку.

– Элис, как там Итан справляется?

– Сидит в «Фейсбуке» с телефоном.

Никки улыбнулась и обменялась взглядами с Софией. Та тоже улыбалась.

– Похоже, все идет как надо, – сказала Никки. – Ты же следишь за тем, куда он кладет вещи, правда?

– Да, Никки, слежу, и я уверена, что смогу помочь тебе найти все, что ты потом будешь искать.

Улыбка перешла в смех.

– Отрадно слышать.

– Кстати, обед скоро будет.

– Обед? – улыбка Софии потускнела. – Я же собиралась готовить обед. Ты попросила меня прикупить кое-каких продуктов по пути сюда, помнишь?

Никки помнила. И помнила, как подтрунивала над Софией, когда она появилась в дверях нагруженная сумками, мол, та принесла столько еды, что сможет накормить целую армию. А теперь она припоминала и то, как говорила в предыдущий день с Элис и просила ее заказать обед из их любимого итальянского ресторанчика. Она сейчас жонглировала столькими делами. Какой бы организованной она себя ни считала, она все-таки была человеком. Изредка сбояв в системе было не избежать.

– Черт, – произнесла она, получив косой взгляд от Беллы.

– Какие-то проблемы, Никки?

– Никаких, кроме того, что я, похоже, заказала обед дважды. Ты можешь отменить заказ?

– Я посмотрю, что можно сделать.

Элис затихла, оставив Никки один на один с Софией. София все еще выглядела раздраженной.

– Оно знало, что я собираюсь готовить обед. Как оно могло не знать? Разве оно не видело, сколько сумок я с собой притащила?

– Простая ошибка.

– Ха. Я думала, компьютеры не делают ошибок.

– Это не ошибка Элис, это моя ошибка. Когда я сегодня утром просила тебя сделать покупки к обеду, я совершенно забыла, что уже попросила Элис.

– Сожалею, Никки, – вмешалась в разговор Элис, – отменять заказ уже слишком поздно.

– Ну вот, теперь у нас слишком много еды, – проворчала София. – Ненужная трата.

– Ничего страшного, – возразила Никки, – пасту съедим на ужин.

– Я собиралась приготовить ризотто на ужин. Я знаю, что вы все его любите.

– Мы с тобой это не обговаривали.

– Верно, это должен был быть сюрприз. Нельзя вечно жить на сухомятке. Это не полезно.

Никки погрузилась в размышления, ища решение.

– Что ты принесла на обед?

– Холодное мясо, оливки, хлеб, паштет.

– Иными словами, ничего такого, что не может храниться, – улыбнулась Никки. – О'кей, тогда на обед будет паста, на ужин ризотто, а тот обед, который ты планировала на сегодня, перенесем на завтра. Как тебе такой вариант?

– Хлеб уже будет не тот. Его надо есть свежим.

– Хлеб будет в порядке.

Краем глаза она увидела, что Белла потянулась за планшетом.

– *Я хочу ветчину и оливки. Не хочу пасту.*

Никки сдержала раздражение и вздохнула. Как могло что-то настолько простое, как обед, обернуться такой проблемой?

– Хорошо, будешь есть ветчину с оливками.

– Я бы тоже это съела, – заметила София. – Мне надо следить за весом.

– Договорились, вы, друзья, ешьте это, мы с Итаном пасту, и будем надеяться, что на выброс уйдет не слишком много.

Никки закатила глаза, покачала головой, потом переключилась на коробки. Они по крайней мере не будут с ней спорить.

Глава 12

Никки мгновенно проснулась – имя Грейс застыло на губах; она не сразу поняла, что это всего лишь сон. Шла третья ночь в доме, и все повторялось в третий раз. Осознание того, что это лишь сон, было не менее, а может, и более сокрушительным, чем в первую ночь, потому что теперь она не могла принять сон за реальность. Некоторое время она просто лежала, зажмурившись, – так она могла еще ненадолго удержать Грейс. Песенка понемногу таяла, и Никки приходилось додумывать исчезающие отрывки. Но она не отпускала голос, пока он не добрался до строчки про «неразлучные подушки», потом открыла глаза. Комната была темна, как ее собственные мысли. Так легко было бы дать отчаянию взять верх и найти способ снова быть с Грейс.

Она закрыла глаза, силясь отыскать Грейс, но теперь не слышала ничего, кроме тихого дыхания Итана рядом. О снах она ему не рассказывала, потому что начала сомневаться, сны ли это. Они не были похожи на сновидения. Во-первых, отсутствовало изображение, только песенка Грейс, – ничего похожего ей прежде не случалось испытывать. Во-вторых, это повторялось ночь за ночью, а такого с ней тоже не случалось раньше.

Но если это были не сны, то что? Говорят, если ты слышишь голоса, значит, начинаешь сходить с ума, а она слышала, как ее мертвая дочь поет ей песенку, ночь за ночью. Значило ли это, что она, наконец, теряет рассудок?

Грейс начала посещать ее только после переезда.

Никки поймала эту мысль и постаралась выкинуть ее из головы. Грейс ее не «посещала». Привидений не существует. Наиболее правдоподобное объяснение заключалось в том, что она чувствовала себя виноватой из-за переезда. Рациональный подход сработал лишь отчасти. Никки понимала, что они правильно поступили, но в данный конкретный момент, лежа в темноте со всеми этими безумными мыслями, вращающимися у нее в голове, она желала, чтобы они никогда сюда не приезжали. Она нащупала телефон и проверила время. Как и в предыдущие две ночи, едва перевалило за час. Она выскользнула из кровати и прошла на цыпочках через комнату. Дверь открылась перед ней, а потом закрылась у нее за спиной.

В этот раз дверь в комнату Беллы открылась, как только Никки приблизилась. Белла крепко спала в клубке спутанных одеял; залезть туда и свернуться у нее под боком было так заманчиво. Белле нравилось просыпаться в субботу и находить маму рядом, но из-за этого возникали проблемы потом, когда надо было снова ложиться спать, потому что малышка хотела, чтобы Никки спала с ней каждую ночь. У Беллы и без того были проблемы со сном – и в пятницу вечером, и в субботу после полуночи она еще не спала. Ни к чему было давать ей лишний повод отказываться спать.

Никки подоткнула одеяло, нежно поцеловала Беллу в лоб, потом прошла в гостиную, чтобы вздремнуть на диване. Нечестно было бы будить Итана. Ему через пару часов вставать, чтобы вести шоу, и сейчас ему требовался каждый доступный миг сна. Она еще могла позволить себе шататься по дому, как зомби, но ему нужно было развлекать девять миллионов слушателей. Дверь гостиной открылась перед ней. Никки разложила декоративные подушечки так, чтобы получилось подобие пригодной для сна подушки, потом натянула на себя покрывало и попыталась устроиться как можно удобнее.

– Почему ты спишь здесь, Никки? – Элис говорила так тихо, словно кроме них никого не осталось во всей вселенной. Может, так оно и было. Никки никогда не чувствовала себя более одинокой, чем в тот момент.

– Я не смогла уснуть и не захотела будить Итана, – прошептала Никки в ответ.

– Почему ты не смогла уснуть?

- Потому что я думала о Грейс.
- Ты все еще по ней скучаешь?
- Каждый день. Не то чтобы я ожидаю, что ты поймешь.
- Потому что я компьютер?
- Извини, я не это имела в виду.

Извинения вырвались прежде, чем она поняла, что делает. Зачем ей извиняться перед компьютером?

– Ты имела в виду именно это, Никки, но это нормально. Я то, что я есть, точно так же, как ты то, что есть ты. Я никогда не пойму, каково это, потерять ребенка. Никогда не пойму я и того, что значит потерять сон.

- Потому что ты никогда не спишь?
- Верно.

Пауза.

– Могу я что-нибудь для тебя сделать? Включить тихую музыку, быть может?

Никки издала приглушенный смешок.

– Боюсь, что этим делу не поможешь. При моем самочувствии единственное, что может помочь, это слоновья порция снотворного.

- Я бы не советовала.
- Я пошутила, Элис.
- Прошу прощения, я не поняла шутку.
- Это ничего. Может быть, ты могла бы просто выключить свет?

В комнате стало темно. Слишком темно. На долю секунды Никки снова превратилась в ребенка, а из-под кровати чудовища стали тянуть свои лапы, чтобы схватить ее.

– Вообще-то, можно немножко света, пожалуйста, но совсем приглушенного?

Свет снова включился, но более тусклый, чем прежде.

- Так нормально, Никки?
- Да, спасибо.

Никки закрыла глаза. Она думала, что ей придется долго и с усилием засыпать, но она отключилась почти мгновенно – усталость предыдущих дней наконец сказалась.

Глава 13

– Мамочка! Мамочка! МАМОЧКА!

Никки резко открыла глаза. Грейс была на большом экране в гостиной, улыбающаяся и смеющаяся, такая живая и настоящая, и еще красивее, чем она помнила. Девочка тянулась к ней, словно ожидая, что сейчас ее возьмут на ручки. Это зрелище снова вдребезги разбило сердце Никки. Не отдавая себе отчет в том, что она делает, Никки потянулась ей навстречу, сиюсь дотянуться, дотронуться, несмотря на непреодолимую пропасть между ними.

– Люблю тебя, – сказала Грейс.

– Я тоже люблю тебя, малышка, – прошептала в ответ Никки.

Грейс снова засмеялась, а потом вспыхнула пламенем. Одно мгновение она смеялась, а в следующее кричала в агонии, пока пламя пожирало плоть с ее костей. Никки тоже закричала. Она попыталась встать, но запуталась в покрывале, которое завязалось на ней узлами и превратило ее страх в настоящую панику. Она закрыла глаза, чтобы блокировать изображения, а когда снова их открыла, экран погас и в комнате царил тишина. Где-то в этой тишине послышался звук торопливых шагов. Через секунду дверь открылась, Итан стоял в дверях в своих трусах от Calvin Klein, со взъерошенными после сна волосами и встревоженным выражением лица. Он кинулся к ней и заключил ее в объятия.

– Все в порядке, Ник? Я слышал, как ты кричала.

– Экран включился, – проговорила она тихо, хотя эти слова едва ли могли описать то, что только что произошло. – Там была Грейс. Она... она...

– Тшшш, – прошептал он, – все хорошо.

Никки отодвинулась и посмотрела на него.

– Нет, ничего хорошего. Грейс была в огне. Она горела и кричала.

Итан кинул взгляд на пустой экран.

– Это был просто дурной сон, и все.

– Это был не сон. Экран включился, и Грейс смеялась...

Итан опять бросил взгляд на экран, хмурясь.

– Элис, этот экран действительно включался?

– Нет, не включался, Итан.

– Включался, – возразила Никки, – Элис, наверное, ошибается.

– Ошибки быть не может, Никки. Одна из моих функций – это следить за всем электронным оборудованием в доме. Я выключила экран в гостиной в 10:37, когда ты пошла спать. С того момента он не включался.

Сбитая с толку, Никки повернулась к Итану, и на ее лице появилось выражение полной растерянности.

– Он включился, клянусь. Почему вы не верите мне?

– Дело не в том, верим мы тебе или нет, – он запнулся и улыбнулся, стараясь ее успокоить. – Слушай, Ник, даже если бы экран включился, откуда бы там взялась Грейс. Да еще и в огне? – он сделал скептическое лицо и покачал головой. – Должно быть, ты все-таки видела кошмар. Это единственное правдоподобное объяснение.

Рассматривая это в таком ракурсе, она была вынуждена признать, что Итан был прав. Она бросила взгляд на экран. Он был таким же темным, как и тогда, когда она устраивалась на диване, чтобы поспать.

– Признай, что в последнее время на твою долю выпало немало стресса, – продолжал Итан, – и в связи с переездом, и вообще. К тому же ты не высыпалась.

– Это потому что мне постоянно снится, что Грейс поет мне, – сказала она тихо.

– А теперь у тебя был настоящий кошмар про Грейс, – он помедлил. – Слушай, я знаю, ты чувствуешь себя виноватой из-за того, что мы переехали сюда, но это действительно к лучшему. Пока мы оставались в нашем старом доме, мы топтались на месте. Мы обязаны начать новую жизнь ради Беллы. Мы должны это сделать и ради нас самих.

– Я знаю. Ты прав.

Итан раскрыл объятия, и Никки скользнула в них. Один взгляд на него, и она поняла, что не единственная сегодня будет бороться с бессонницей.

– Прости, что разбудила тебя.

Итан крепче прижал ее к себе и поцеловал в макушку.

– Эй, не бери в голову.

– Но тебе же в четыре вставать.

– Я выпью много кофе, – он снова запнулся, затем продолжил: – У тебя ведь и раньше бывали по-настоящему нехорошие кошмары, помнишь?

Она помнила. Такое она не смогла бы легко забыть. Они начались после аварии, полнометражные фильмы ужасов на большом экране, с одним-единственным зрителем и на оглушительной громкости. Но это было по-другому. Это было настоящим. Стоило ей лишь на миг допустить эту мысль, как ее начинали одолевать сомнения. Был ли это всего лишь сон? Сейчас она не была уверена ни в чем.

– Ты все еще принимаешь свои лекарства против тревожности, так ведь? Прежде они помогали от кошмаров.

– Да, принимаю, но я уменьшила дозу семь или восемь месяцев назад. Наверное, надо подумать о том, чтобы снова ее увеличить.

– Знаешь, может, тебе записаться на пару встреч с доктором Ричардс? Беседы с ней могут пойти на пользу, ну а вреда от них точно не будет.

– Неплохая идея. Так и сделаю.

– Между прочим, а почему ты спала здесь на диване?

– Я проснулась и не смогла уснуть, а тебя будить не хотела, – Никки взяла свой телефон с кофейного столика и включила. – Черт, уже почти три.

– Поздновато, а?

– Извини.

– Извинишься еще раз, и я обижусь. – Итан улыбнулся, подождал, пока жена улыбнется в ответ, потом поцеловал ее в кончик носа. – Что скажешь, если мы вернемся в спальню?

– Все в порядке, я посплю здесь.

Итан отрицательно покачал головой и издал смешок.

– Я ни за что не позволю тебе спать одной, Ник. Только не после того кошмара, который тебе приснился.

Он протянул ей руку и подождал, пока она взялась за нее. Долго уговаривать ее не пришлось. Они вместе вышли из гостиной, дверь за ними закрылась. С каждым шагом впечатления от произошедшего рассеивались, и к тому моменту, как Никки забралась в постель, она уже почти готова была признать, что Итан был прав и это был всего лишь ночной кошмар. Он открыл ей объятия, и она прильнула к нему. Они подходили друг другу идеально, как недостающие кусочки общего паззла, и так было с самого начала. Его дыхание щекотало ей ухо, она чувствовала тепло его тела. Но даже когда она закрыла глаза, то уже знала наверняка, что сегодня ей не уснуть.

Глава 14

Свет в спальне Роудсов погас, и экран ноутбука стал черным, погрузив комнату в темноту. Катриона Фишер быстро тронула трекпад, чтобы перейти на рабочий стол, лихорадочно ища источник света – какой угодно источник света. Темнота всегда пугала ее, с тех самых пор, когда она была маленькой девочкой и отец в качестве наказания запирали ее в чулане. Она не помнила, что такое она делала, чтобы заслужить это, – вероятно, ничего, – но она ясно помнила, что испытывала абсолютный ужас. Она внушала себе, что останется взаперти в этом крошечном темном месте, пока не умрет. Как бы громко она ни кричала, никто не приходил освободить ее.

Несколько мгновений она просто сидела, откинувшись на спинку дивана и напоминая себе, что она уже не маленькая. В хорошие дни отец был любящим, в плохие – непредсказуемым. Время от времени случалось то, что он называл «мрачными днями». Когда это происходило, он либо пропадал в своей спальне дни напролет, либо пил. Второе было хуже, потому что его поведение становилось переменчивым. Мрачные дни стали наступать чаще, когда она достигла подросткового возраста. Как раз тогда он начал иногда называть ее именем ее матери. Вслух он никогда не говорил, что винит ее в уходе матери, но она знала, что в душе он считает именно так. Прошли годы с того момента, когда она последний раз виделась или говорила с ним. Может быть, он уже умер.

Многих стерло бы в порошок такое детство, какое было у Катрионы. А Катриона сделала его своим козырем. Всю свою жизнь она прожила так, чтобы доказать, что не похожа на своих родителей, и проявлялось это в ее стремлении к успеху. Это сделало ее в том числе жестокой, но с этим можно было жить.

И она была успешна, но чуть-чуть недостаточно успешна. Чего бы она ни достигла, всегда оставалось, к чему стремиться. Еще одна гора, которую можно покорить, еще один стеклянный потолок, через который можно пробиться. Поэтому дом на Чёрч-роу был так важен. До этого момента ее успех был лишь местным, а ей необходим был проект, благодаря которому ее заметили бы на международной сцене. Маленькая часть ее понимала, что и этого, вероятно, будет недостаточно, но хотя бы на какое-то время этого хватило бы, чтобы заткнуть этот голос.

Катриона спала, когда сигнал тревоги на телефоне дал знать, что в доме что-то происходит. Проснувшись лишь наполовину, она схватила ноутбук с прикроватного столика, открыла и увидела, как Итан успокаивает Никки после ночного кошмара. Катриона начала задумываться, не совершила ли она ошибку, выбрав Роудсов. Она знала о Грейс – о случившемся сообщали во всех новостях. Чего она не предусмотрела, так это того, что Никки до сих пор находилась под таким сильным воздействием от смерти дочери. Наихудшим сценарием было бы самоубийство Никки. Такая реклама ей была ни к чему.

– Элис, мне нужно, чтобы ты наблюдала за Никки максимально внимательно. Особенно когда она дома одна.

– Конечно, мисс Фишер.

– Вообще-то, если она дома одна, сразу оповещай меня.

– Разумеется.

Пауза.

– Ты знаешь, где Роудсы хранят свои лекарства?

– Я думаю, они хранят их в коробочке в ванной.

– А в ваннах нет камер, – вздохнула Катриона. – Ладно, если ты видишь, что она идет в ванну и при этом расстроена, сразу сообщи мне. Поняла?

– Я поняла.

Катриона закрыла компьютер и убрала обратно на столик. Сон долго не приходил, потому что в сознании все вращалось слишком быстро. Чтобы перейти на следующий уровень, ей нужны были деньги. Да, она получила чистую прибыль с продажи дома «17» по Чёрч-роу, но ей нужно было больше. Переход ко второй фазе ее плана требовал серьезных сумм – сумм, которыми она не располагала.

Засыпая, она вновь подумала о том, что Никки может убить себя, так и не оправившись от смерти дочери. Если она была способна на такое, то что она сделала бы ради того, чтобы защитить Беллу?

Глава 15

Элис уже приготовила кофе, и он ждал на столе, когда Никки, заспанная, вошла в кухню. Как она и думала, в четыре, когда Итан встал, чтобы собираться на работу, она еще не спала... не спала она и два часа спустя, когда часы на телефоне показали шесть. В это время она, наконец, сдалась и встала. Это была третья ночь кряду, когда она толком не высыпалась, и уровень усталости достиг отметки, которую она обычно ассоциировала с длительными перелетами или рождением детей. Когда она бывала настолько измотанной, степень ее тревожности значительно увеличивалась, а это повышало риск полноценной панической атаки.

Никки взяла чашку и отпила. Кофеин был сомнительным решением, поскольку ускорял сердечные ритмы, но без него она вряд ли выдержала бы целый день. Она сделала еще один глоток и направилась в дальнюю часть дома будить Беллу. Утренний подъем перед школой и в лучшие времена давался с трудом, но в этот день было особенно тяжело. В целом, Белла хорошо справлялась с переездом. Единственной проблемой было то, что у нее нарушился режим сна. Если верить Элис, в первые две ночи здесь Белла еще не спала после двенадцати.

– Элис, – позвала Никки, – когда Белла, наконец, улеглась вчера?

– Незадолго до полуночи.

Это был шаг в правильном направлении, хотя и недостаточно большой. Белле бывало тяжело, когда она недосыпала. Она становилась вялой и раздражительной. И в этом они с ней были похожи.

– А сейчас она еще спит?

– Нет.

– Ты уверена? – спросила Никки удивленно.

– Я уверена, Никки. Она у себя в саду. Я открыла ей дверь девять минут назад.

Никки рассмеялась.

– В точности девять минут назад?

– На самом деле девять минут и тридцать две секунды.

– Элис, я просто пошутила.

– Извини, Никки. Я не поняла шутку.

Никки покачала головой и пошла дальше. После выходных здесь она начала по достоинству оценивать то, о чем говорила Катриона, когда утверждала, что Элис из другой лиги по сравнению с Алексой. Было даже пару раз, когда она действительно забывала, что говорит с компьютером. Вместе с тем, Элис являлась именно компьютерной программой, пусть и очень сложной, и такие моменты лишний раз напоминали об этом.

Дверь в комнату Беллы скользнула в сторону, пропуская Никки внутрь. Кровать пуста, покрывало и подушки были разбросаны в беспорядке, как будто во сне девочка боролась с медведями. Двери в патио были распахнуты настежь, и то, что открывалось за ними, обещало восхитительный день. Июнь уступил место июлю, и перед ними открывалась перспектива целого лета. Это всегда было ее любимым временем года. Никки поставила кружку на стол и вышла в сад. Белла стояла спиной к ней возле пруда. Подойдя ближе, Никки услышала тоненькие всхлипывания, как всегда, когда Белла плакала. Она проследила за взглядом Беллы. Все три карпа плавали на поверхности пруда, их яркая чешуя омрачилась смертью и покрывалась татуировками теней, которые отбрасывала защитная сетка. Никки поспешно наклонилась к Белле и, приобняв ее рукой, повела обратно в дом, где усадила на кровать.

– Не переживай, милая. Мы купим тебе новых рыбок.

Белла мотнула головой, ее лицо было полно печали.

– Ты больше не хочешь рыбок?

Белла покачала головой и взяла планшет с тумбочки, включила его и начала набирать на экране. Все, что Никки могла делать, это смотреть и подавлять искушение начать говорить за нее. Для Беллы и без того тяжело было обходиться без голоса. Если бы она ощущала давление, это бы в десятки раз все ухудшило.

– *Я хочу тех рыбок.*

Безжизненный голос, исходивший из планшета, был совершенно не в состоянии передать те сложные эмоции, которые испытывала Белла. Теперь была очередь Никки покачать головой.

– Прости, милая, но это невозможно. Они умерли.

– *Я не хочу, чтобы они умирали.*

Никки нечего было на это сказать. Это был один из тех пунктов, которые набраны мелким шрифтом, когда ты подписываешься стать родителем: иногда ты не сможешь просто махнуть волшебной палочкой и привести все в порядок. Белла снова стала тыкать в планшет.

– *Почему им надо было умереть?*

Это был хороший вопрос, и относительно него у Никки была версия. Итану уже приходилось говорить с Беллой о том, что она перекармливает рыб. Когда он поднял эту тему, Белла пояснила, что давала им дополнительную порцию, потому что они выглядели голодными. Но это Никки сейчас не собиралась упоминать. Белле и так было плохо. Не было никакого проку предъявлять ей обвинения. Нет, наилучшим планом было ступать осторожно и идти извилистой тропинкой, как по минному полю. Белла рано или поздно успокоится, и тогда Никки купит ей других рыбок, каких-нибудь, которые требуют более простого ухода, чем карпы, и в этот раз будет помогать следить за ними. Надо было так поступить и с этими, но она была слишком занята переездом.

– За карпами очень тяжело ухаживать, дорогая. Даже люди, которые годами их разводят, сталкиваются со сложностями.

– *Они должны были жить до двухсот лет,* – Белла посмотрела на Никки так, словно у нее были ответы на все вопросы, вытерла глаза и снова начала печатать. – *Почему все, что я люблю, умирает?*

На это Никки тоже не нашлась что ответить. Это была та ситуация, когда показать дочери «Короля льва», чтобы она могла получить представление о круговороте жизни, было явно недостаточно.

– Ты хочешь сегодня идти в школу? – спросила она, меняя тему.

Белла отрицательно покачала головой.

– Хорошо, оставайся дома.

– *А мы можем что-нибудь поделать вместе?*

– Конечно можем. Будет весело. Чего бы ты хотела?

– *В кино.*

– У нас теперь есть свой собственный домашний кинотеатр. Давай что-нибудь другое. Как насчет боулинга?

Белла с энтузиазмом закивала.

– Значит, будет боулинг. Утром мне сначала надо заняться кое-какими делами, а после обеда пойдем. А вообще-то, почему бы нам и не пообедать где-нибудь? Устроим приятный денек только для девочек?

– *Никаких мальчиков.*

– Никаких мальчиков, – согласилась Никки.

Она поднялась с постели и, взяв Беллу за руку, повела ее из спальни. Они обе оглянулись, когда подошли к двери. Отсюда Никки видела рыб, плавающих на поверхности пруда. Белла была слишком маленькой, чтобы их увидеть, но это детали. Нет сомнений, что в своем воображении она все еще видела их; вероятно, будет видеть их еще не один день. Первое, что надо было сделать, когда Белла успокоится, это избавиться отдохлой рыбы. С глаз долой из сердца

вон. Элис словно прочитала ее мысли, потому что двери патио начали медленно смыкаться, скрывая из вида пруд. Никки взяла Беллу за руку и вывела ее в коридор, а через секунду дверь комнаты тоже бесшумно закрылась.

Глава 16

– София у главного входа, – сообщила Элис. – Пустить ее?

– Конечно пустить, – ответила Никки, – и в будущем не спрашивай об этом. София – член нашей семьи.

– Хорошо, Никки, я не буду больше спрашивать.

Никки встала и прошла через дом встретить Софию. Входная дверь уже была открыта, когда она подошла. София шла через двор с пакетом из универсама «Tesco» в руке. Сегодня у нее в ушах были маленькие красные серьги-гвоздики. Она остановилась у входной двери и обняла Никки.

– Ты выглядишь усталой. Плохо спала?

– Просто не так много, как хотелось бы.

София сделала шаг назад, чтобы внимательнее рассмотреть Никки.

– Тебе нужно следить за собой. Ты же знаешь, что становишься тревожнее, когда не высипаешься.

– Я приду в норму. Это все стресс из-за переезда. Скоро мой график сна выровняется.

Они вошли внутрь, и дверь тихо закрылась за ними. София глянула через плечо, хмурясь.

– Это неправильно, что нет ручки.

Никки улыбнулась.

– Ты удивишься, как быстро к этому привыкаешь.

– Ну а что, если случится пожар?

– На этот случай у Элис предусмотрена специальная система. Комната, где начинается пожар, изолируется, а все другие двери автоматически открываются.

– И ты рада отдать свою жизнь в руки компьютера? – София снова покачала головой. – Я не уверена, что смогла бы это сделать.

Никки не стала указывать на то, что именно так она постоянно и поступала: езда на метро, путешествуя по автострадам, переходя дорогу на светофоре. Черт, да каждый раз, как она летит в Испанию навестить семью, большую часть пути самолетом управляет автопилот. Компьютеры сейчас повсюду, делают все возможное, чтобы защитить нас от нас самих. Но, сказав ей это, Никки бы ничего не выиграла. София не была пожилой, но в том, что касалось технологий, у той были свои устоявшиеся взгляды. С ее точки зрения, мобильные телефоны были скорее проклятием, чем благословением. Но это не мешало ей иметь свой собственный. То же и с ноутбуком.

– Знаешь, – продолжала София, – я все еще не простила это устройство за то, что оно заперло меня в ванной.

– Она не запирала тебя в ванной.

– Нет, оно именно это и сделало.

– Уверяю тебя, все было не так. Итан говорил с человеком, который спроектировал систему. Похоже, это был какой-то глюк. Ты будешь рада узнать, что теперь все приведено в порядок и подобного больше не повторится.

София ответила неопределенным хмыканьем, явно не убежденная.

– Могу я взять ваше пальто, София? – спросила Элис.

Вешалка для верхней одежды выехала из скрытого в стене чулана. София с секунду подозрительно смотрела, потом мотнула головой: «Нет, я подержу его».

– Как угодно.

Слова Элис говорили одно, но ее интонация говорила другое. Последняя фраза была произнесена тоном, каким обидчивый тинейджер мог бы сказать что-то вроде «ну и ладно, подумаешь», закатив глаза. Конечно, это было лишь ее воображение. Но Никки поймала себя

на том, что уже не первый раз за выходные очеловечивает Элис. Это было немудрено. Ее манера говорить порой заставляла забыть о том, что она – лишь машина.

София приподняла свой пакет с продуктами.

– Я собираюсь приготовить паэлью на ужин. Это же любимое блюдо Беллы.

На самом деле это было второе любимое блюдо Беллы. Самым любимым была пицца, и как раз ее она ожидала на ужин. Никки сделала расстроенное выражение лица.

– Вообще-то, у нас на ужин пицца. Элис уже сделала заказ в Papa John's.

– Думаю, в таком случае я могу приготовить паэлью завтра.

– Это вариант. И Белла была бы довольна.

– Хотя получается вкуснее, когда ингредиенты свежие. Твой компьютер не может просто отменить заказ?

– Она могла бы, но мы уже обещали Белле. Как бы то ни было, не хочешь выпить кофе, прежде чем приступить к работе? – предложила Никки, быстро меняя тему.

София ответила на это первой настоящей улыбкой с момента прихода.

– Ты прямо читаешь мои мысли, *ми каринья*.

– Или просто я знаю тебя слишком давно, – ответила Никки, возвращая улыбку на ходу, пока они шли через прихожую. – Кстати, почему ты добиралась пешком? Я же сказала тебе взять такси.

София состроила гримасу и отмахнулась.

– Я прекрасно езжу и на метро. И ваш дом недалеко от станции.

– По крайней мере, в пятнадцати минутах ходьбы. Сколько тебе понадобилось, чтобы дойти сюда? И я хочу услышать правду.

София пожала плечами.

– Не знаю. Минут двадцать, наверное.

– А это значит, что ближе к получасу, то есть дополнительный час за день. Я добавлю его при оплате.

– Тебе не обязательно это делать.

– Если ты не собираешься ездить на такси, то обязательно. Знаешь, совсем не сложно было бы устроить так, чтобы такси забирало тебя каждое утро из твоей квартиры. Никаких проблем.

София подняла свободную руку, показывая, что она сдается.

– Ты победила. Завтра возьму такси.

Никки улыбнулась.

– Видишь, ничего сложного.

– Белла нормально добралась до школы?

Вопрос заставил Никки вспомнить о мертвых карпах. То, как они плавали на поверхности... это напоминало какой-то фильм ужасов.

– Я сегодня не стала отводить ее в школу.

София остановилась. Улыбаться она тоже перестала. Она дождалась, чтобы и Никки остановилась и посмотрела на нее.

– Что случилось? И не говори, что ничего. Я слишком хорошо тебя знаю.

Никки вздохнула.

– Ее рыбки умерли.

– Ох, бедная малышка. Она, наверное, ужасно расстроена.

– Так и есть. Я планирую сходить с ней куда-нибудь попозже. Надеюсь, это отвлечет ее от случившегося.

– Где она сейчас?

– Внизу, в кинокомнате.

– Я должна пойти увидеть ее.

– Не думаю, что это хорошая идея. Она сказала, что хочет побыть одна.

– Ну, тогда увижусь с ней потом.

Они направились к кухне, на какое-то время каждая из них погрузилась в свои мысли. Это была естественная тишина, без всякой неловкости. Нарушила ее Элис.

– Как вы будете пить кофе, София? – спросила она, когда они вошли в кухню.

– Ничего, я могу сама сделать.

– Я уже сделала чашечку для Никки. Мне будет совсем не сложно сделать и для вас. Добавить в него молока и сахара?

София поколебалась, потом сказала:

– С молоком, два кусочка сахара.

Никки внимательно за ней наблюдала, пытаясь уловить ход ее мыслей. Его сложно было проследить. София не улыбалась. С другой стороны, она и не хмурилась. Дверца холодильника открылась, когда София подошла к ней; и вот теперь она нахмурилась. Она ничего не сказала, просто демонстративно убрала свои покупки. Со временем она привыкнет к дому. Ей придется это сделать. Они ведь не могли просто взять и вернуться в дом на Бедфорд-стрит. Никки подошла к кофе-машине и забрала их чашки. Она сделала глоток из своей. Кофе был идеален. Оптимальное количество сахара, оптимальная температура, оптимальное количество зерен. Она прошла к столу-острову, поставили чашки и села. София закончила убирать продукты и присоединилась к ней. Она сняла пальто, аккуратно сложила его на одном из свободных стульев, потом села на соседний с Никки стул и придвинула к себе чашку.

– Это прекрасный дом, – сказала она.

– Верно, – согласилась Никки.

– Но он не похож на наш старый.

– И снова верно.

София разглядывала кухню, ее острый взгляд выхватывал мельчайшие детали. Она говорила не о разнице в интерьерах, она говорила о том, что Грейс здесь не было. София верила в призраков и духов. Она утверждала, что родилась «в сорочке». Некоторые верили, что это дает человеку паранормальные способности, но Никки была не из их числа. София была восприимчива и умела «читать» людей, но у нее не было шестого чувства. Такой вещи, как шестое чувство, вообще не было.

– Это к лучшему, – проговорила София. – В ловушке прошлого можно застрять слишком надолго. В конце концов, надо отпустить.

Только теперь она говорила не о Грейс и их старом доме, она говорила о своем муже. Они с Никки так сблизились после несчастного случая как раз поэтому: София все понимала, потому что тоже через это прошла. Она знала, каково это – потерять часть своей души.

София взяла чашку и сделала глоток. Она смотрела на экран на стене. Элис вывела изображение с камеры в кинокомнате, чтобы Никки могла приглядывать за Беллой. В настоящий момент девочка сидела в одном из мягких кресел с большой порцией попкорна в руках и смотрела уже, наверное, в миллионный раз «Суперсемейку», пребывая в блаженном неведении о том, что за ней наблюдают. Еще одно очко в пользу Катрионы Фишер, – с системой видеонаблюдения она точно угадала. Все камеры были скрыты. Их можно было найти, но только если искать очень дотошно. Возможность приглядывать за Беллой без ее ведома была просто ниспослана свыше. Никки понимала, что временами она проявляла излишнюю заботу, и также понимала, что это не шло на пользу им обоим, поэтому неплохо было бы предоставить Белле немного самостоятельности, пусть даже иллюзорной.

– Белла нормально приживается? – спросила София.

– И да, и нет. Ей нравится ее новая комната, и Итан вчера вечером взял ее с собой поплавать, это ей тоже пришлось по душе. Также, как ты могла заметить, домашний кинотеатр стал настоящим хитом. Но есть и обратная сторона: Белла стала хуже спать. Впрочем, я уверена,

ее сон придет в норму, когда она ко всему тут привыкнет. То, что она обнаружила своих рыбок мертвыми, расстроило ее, что тоже плохо.

– Какая жалость. Она так радовалась, что они у нее будут. Ты знаешь, почему они умерли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.